

О. БЕНЮХ, Д. СИНГХ

ВЗАМОШКИ СЕРАДЕЩ

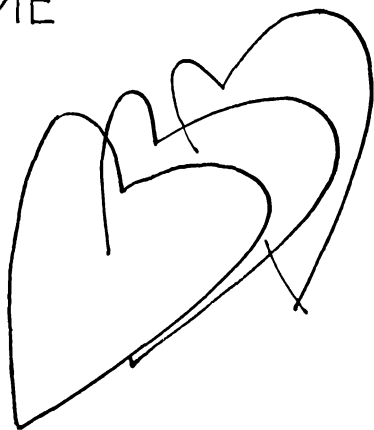

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

О. БЕНЮХ
Д. СИНГХ

ВЗЛОМЩИКИ
СЕРДЕЦ,

ИЛИ
ХОЖДЕНИЕ
В
СТРАНУ
ПЯТИ
РЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

Перевод с английского

O. BENUH, D. SINGH

SWIMMING THROUGH FIFE RIVERS

Ответственный редактор

Ю. В. ГАНКОВСКИЙ

Иллюстрации художника *ШАНКРА* (Индия)

Оформление художника *Н. М. ГРЕБНЕВОЙ*

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

Говорят, перо сильнее меча. Когда же во имя мира объединяются перья друзей, перед ними отступают все атомные бомбы, изобретенные с дьявольской целью превратить землю в кладбище. Об этом я подумал, прочитав «Взломщики сердец, или Хождение в Страну пяти рек», книгу, которую написали Олесь Бенюх и Даршан Сингх.

Индийская поговорка гласит: как бы ни были просторны ножны, два меча в них все равно не уживутся. Тот, кто в поисках убедительного аргумента выхватывает из ножен меч, не может рассчитывать на славу доброго соседа. Ведь он поклоняется богу насилия, его кумир — ненависть, а потому среди заповедей войнопоклонника не стоит искать призыва к дружбе. Хорошо известно, что «дружба» Гитлера и Муссолини была шита белыми нитками. Тощий и злобный Адольф и раскормленный дуче разыгрывали свой страшный фарс на подмостках мировой сцены, не забывая шпионить друг за другом.

Нет, положительно, даже Соломон не сумел бы вложить два меча в одни ножны, но вот что два пера с успехом ныряют в одну чернильницу, Даршан Сингх и Олесь Бенюх доказали. И в подтверждение успешности этого эксперимента они предлагают нашему вниманию свой труд.

Разумеется, владельцы этих двух перьев во многом похожи друг на друга. Оба работают

в журнале «Совет Лэнд», который готовится агентством печати «Новости» и выходит в Индии на четырнадцать языках. Оба верят в гуманизм и социализм. И все-таки даже это не может сделать совместную поездку приятной, если у одного из спутников окажется скверный характер. И тогда уж такая поездка не станет источником авторского вдохновения.

Для того чтобы два пассажира превратились в идеальных спутников, нужно несколько условий. Прежде всего каждый обязан стремиться к сосуществованию. А многочисленные психологические нюансы? Разве они не важны, когда мы сталкиваемся с жизнью? Как же, спросите вы, ухитрились советский и индийский журналисты поладить с индийской пословицей и взглянуть на жизнь «одним глазом»?

Ответ, мне кажется, состоит в том, что Бенюх — украинец, а Даршан Сингх — пенджабец, и хотя между народами наших соавторов пролегли тысячи километров, у них много общего. Я бы назвал украинцев, крепких, потомственных крестьян и «пшеничных чемпионов», пенджабцами Советского Союза. А пенджабцы с их грубоватым, наивным чувством юмора, знающие толк в жизни, могут быть названы индийскими украинцами. Огромные плодородные равнины по берегам Сатледжа, Беаса и Рави в Пенджабе и приднепровские просторы на Украине знамениты не только великолепными урожаями. Они стали родиной закаленных, сердечных, трезвых и в то же время по-своему поэтических народов. Вот здесь-то и зарыта собака, вот почему Олесь Бенюх и Даршан Сингх успешно сотрудничали во время поездки, которая увенчалась созданием этой книги.

Итак, я утверждаю, что подобное соавторство полностью доказало свою целесообразность. Простая арифметика: две пары глаз видят столько, сколько одной никогда бы не за-

метить. Если взор нашего украинского друга горел любопытством, затем его вытесняло изумление, чтобы уступить место энтузиазму (что не удивительно для дружелюбно настроенного иностранца), то Даршан Сингх складывал новые впечатления на весы своего опыта и подсчитывал баланс наметанным взглядом: ведь Индия для него страна родная.

На первый взгляд книга представляет собой впечатления, наблюдения, приключения и злоключения двух путешественников — результат недельного автопробега по Пенджабу. Однако по сути дела через призму Пенджаба они показывают всю Индию. Это не изображение «рай-страны, страны что надо», не экзотическая обложка рекламного проспекта, не поверхностная Индия сквозь очки американских туристов — пожирателей расстояний. И в то же время — это Индия, увиденная не только индийскими глазами. Ибо то, что видишь каждый день, уже не удивляет и легко пропустить яркие и впечатляющие моменты. Индия Даршана Сингха и Олеся Бенюха смотрится советско-индийскими глазами, если природа допускает подобное оптическое явление. Однако книга перед нами, ее никак не назовешь оптическим обманом.

Олесь Бенюх и Даршан Сингх, оба бывалые журналисты, умело начинили книгу разнообразной информацией не только о местах, которые они посетили во время путешествия, но и о других районах страны, например Бхилаи и Руркеле. Рассказ, насыщенный полезными сведениями, течет очень живо. Книга содержит дружественные наблюдения и лишена фирмиама, отпускаемого без меры. Вот это «богу — богово, кесарю — кесарево», разумная дозировка точной информации и любопытных подробностей, сочетание товарищеской симпатии и критической оценки является главным достоинством книги, и авторы вправе рассчитывать на самую искреннюю благодарность.

С первой же страницы книги советский читатель начнет по-новому «открывать» Индию, имея двух надежных и красноречивых гидов. Тонко «взламывая» сердца, они познакомят вас с дружественным индийским народом: шоферами, журналистами, поэтами, политиками, учителями, студентами, инженерами, рабочими, крестьянами, и тем самым помогут разобраться в сложной современной действительности страны.

Если, а я уверен в этом, дружба между великими народами Советского Союза и Индии играет исключительную роль для мира во всем мире, значит, Олесь Бенюх и Даршан Сингх сослужили отличную службу этому большому делу.

Ходжа Ахмад Аббас

УКРАИНСКО-ПЕНДЖАБСКИЙ ДОГОВОР

Мы, две нижеподписавшиеся Высокие Договаривающиеся Стороны,

одна, представляющая законных потомков украинских казаков, и другая — носителей славных традиций пенджабских сикхов, после тяжелых, затянувшихся, но честных переговоров, призывая в свидетели всю свою смелость и не знающие устали перья, торжественно провозглашаем:

1. Что страницы этой книги есть плод наших совместных усилий, семидневного тысячемильного моторизованного пробега по Стране пяти рек — Пенджабу и нескончаемой возни с бумагой и чернилами.

2. Что книга эта написана на английском языке, каковой был единственным средством общения (жесты не в счет) между Высокими Договаривающимися Сторонами.

3. Что Высокие Договаривающиеся Стороны являются законными претендентами на все причитающиеся лавры и тернии.

4. Что Высокие Договаривающиеся Стороны и в мыслях не держат назвать свой труд энциклопедией по Пенджабу. Ибо не следует соваться поперед батьки в пекло и пытаться быть умнее бессмертного Козьмы Пруткова, сказавшего: «Не пытайся объять необъятное!».

5. Что Высокие Договаривающиеся Стороны сочтут свою цель достигнутой, если читатель во время своего

значного «Хождения в Страну пяти рек» хоть раз удовлетворенно хмыкнет, засмеется от удовольствия или нахмурит брови от раздражения.

6. Высокие Договаривающиеся Стороны в том же составе совершили поездку по Украинской ССР и в недалеком будущем расскажут об этом своим читателям.

Олесь Бенюх

Даршан Сингх

ДЕЛИЙСКИЙ ПРОЛОГ

Вечер выдался довольно холодный. Но в индийской столице, откуда был дан старт нашей экспедиции, слово «холодный» вовсе не соответствует слову «прохладный» в русском языке. Ртуть не собиралась опускаться ниже нуля. Наоборот, она застряла где-то на 27-м градусе. Аромат самых разнообразных цветов наполнял эфир. В нашем дворе, густо заросшем манговыми деревьями, обитали попугаи. Они обсуждали что-то таинственное, по крайней мере для нас, и, судя по всему, дискуссия была жаркой.

Кстати, что следует понимать в Индии под словами «жарко», «тепло», «прохладно»? Индия — страна тропическая, и жаркая погода здесь отнюдь не предел мечтаний. Когда индийцы узнают, что иностранный автор снова упомянул о «солнечной Индии», у них мурашки начинают бегать по коже.

Героям русского фольклора солнечные лучи приносят счастье. Но в индийском и особенно в пенджабском фольклоре счастье начинается в тени. Буквально переведенная с русского языка на хинди формула «потепление в международных отношениях» может быть воспринята в Индии как «обострение международной напряженности». Чтобы всем было ясно, наверное, лучше сказать: «В международной обстановке наступила долгожданная прохлада».

Итак, после столь поверхностного описания индийской погоды разрешите наконец представиться. Вообразите себе трех человек, стоящих рядом с шоколадной «Победой»: Гурбакш Сингх — водитель, высокий, широкоплечий бородач в тюрбане, бог дорожных странствий, маг рулевой баранки. Полная противоположность ему —

С первой же страницы книги советский читатель начнет по-новому «открывать» Индию, имея двух надежных и красноречивых гидов. Тонко «взламывая» сердца, они познакомят вас с дружественным индийским народом: шоферами, журналистами, поэтами, политиками, учителями, студентами, инженерами, рабочими, крестьянами, и тем самым помогут разобраться в сложной современной действительности страны.

Если, а я уверен в этом, дружба между великими народами Советского Союза и Индии играет исключительную роль для мира во всем мире, значит, Олесь Бенюх и Даршан Сингх сослужили отличную службу этому большому делу.

Ходжа Ахмад Аббас

УКРАИНСКО-ПЕНДЖАБСКИЙ ДОГОВОР

Мы, две нижеподписавшиеся Высокие Договаривающиеся Стороны,

одна, представляющая законных потомков украинских казаков, и другая — носителей славных традиций пенджабских сикхов, после тяжелых, затянувшихся, но честных переговоров, призывая в свидетели всю свою смелость и не знаящие устали перья, торжественно провозглашаем:

1. Что страницы этой книги есть плод наших совместных усилий, семидневного тысячемильного моторизованного пробега по Стране пяти рек — Пенджабу и нескончаемой возни с бумагой и чернилами.

2. Что книга эта написана на английском языке, каковой был единственным средством общения (жесты не в счет) между Высокими Договаривающимися Сторонами.

3. Что Высокие Договаривающиеся Стороны являются законными претендентами на все причитающиеся лавры и тернии.

4. Что Высокие Договаривающиеся Стороны и в мыслях не держат назвать свой труд энциклопедией по Пенджабу. Ибо не следует соваться поперед батьки в пекло и пытаться быть умнее бессмертного Козьмы Пруткова, сказавшего: «Не пытайся объять необъятное!».

5. Что Высокие Договаривающиеся Стороны сочтут свою цель достигнутой, если читатель во время своего

значного «Хождения в Страну пяти рек» хоть раз удовлетворенно хмыкнет, засмеется от удовольствия или нахмурит брови от раздражения.

б. Высокие Договаривающиеся Стороны в том же составе совершили поездку по Украинской ССР и в недалеком будущем расскажут об этом своим читателям.

Олесь Бенюх

Даршан Сингх

ДЕЛИЙСКИЙ ПРОЛОГ

Вечер выдался довольно холодный. Но в индийской столице, откуда был дан старт нашей экспедиции, слово «холодный» вовсе не соответствует слову «прохладный» в русском языке. Ртуть не собиралась опускаться ниже нуля. Наоборот, она застряла где-то на 27-м градусе. Аромат самых разнообразных цветов наполнял эфир. В нашем дворе, густо заросшем манговыми деревьями, обитали попугаи. Они обсуждали что-то таинственное, по крайней мере для нас, и, судя по всему, дискуссия была жаркой.

Кстати, что следует понимать в Индии под словами «жарко», «тепло», «прохладно»? Индия — страна тропическая, и жаркая погода здесь отнюдь не предел мечтаний. Когда индийцы узнают, что иностранный автор снова упомянул о «солнечной Индии», у них мурашки начинают бегать по коже.

Героям русского фольклора солнечные лучи приносят счастье. Но в индийском и особенно в пенджабском фольклоре счастье начинается в тени. Буквально переведенная с русского языка на хинди формула «потепление в международных отношениях» может быть воспринята в Индии как «обострение международной напряженности». Чтобы всем было ясно, наверное, лучше сказать: «В международной обстановке наступила долгожданная прохлада».

Итак, после столь поверхностного описания индийской погоды разрешите наконец представиться. Вообразите себе трех человек, стоящих рядом с шоколадной «Победой»: Гурбакш Сингх — водитель, высокий, широкоплечий бородач в тюрбане, бог дорожных странствий, маг рулевой баранки. Полная противоположность ему —

Даршан Сингх, невысокий, худощавый, сверкающий очками и размахивающий вечным пером. Между ними — Олесь Бенюх, умеренно высокий, умеренно стройный и курносый — в лучшей украинской традиции, мастер последних известий и обзоров.

Не так-то просто, однако, было начать эту поездку. Прежде всего нужно выбраться из столицы. Медленно катили мы по шумным улицам Нового Дели, залитым неизбежными неоновыми огнями. Мы догоняли сверкающие лимузины, тарахтящие тонги, ныряли в толпе велосипедистов, этих рыцарей делийских дорог, осторожно объезжали равнодушных ко всему на свете быков, запряженных в арбы, и скоро увидели Коннот Плейс, торговый центр города.

Бывали вы когда-нибудь в Петровском пассаже в Москве? Помните его многочисленные секции и отделы со сквозными входами и выходами? Только пассаж — это всего несколько торговых рядов, а Коннот Плейс сотворили, наверно, с помощью огромного циркуля. В нем тоже множество внешних и внутренних секций, заполненных большими и малыми магазинами. Помещение утыкано сотнями колонн, без них было бы небезопасно расхаживать под крышей. Постройку замыслили в достойном коммерческом стиле. Но британские колониальные архитекторы, проектировавшие здание, преуспели только в одном: сделали его напыщенным и надменным. Коннот Плейс — самый запутанный из всех лабиринтов мира. Придите сюда хоть в сотый раз, все равно нипочем не найдете нужную секцию, не совершив полный «виток». Это удел и новичков и знатоков. Девиз Коннот Плейс, по-видимому, заключен в истине: кружись, пока не купишь.

На Коннот Плейс к услугам любителей дорогие первоклассные рестораны (один называется «Волга») с ночными ревью, утренними и дневными выступлениями джаза. Каждые полгода программа меняется. Здесь же редакции крупных газет; световая реклама над их подъездами сообщает новости со всего света. На Коннот Плейс есть роскошные кинотеатры с установками кондиционированного воздуха. Некоторые кинотеатры арендованы американцами и англичанами. Там демонстрируется только западная кинопродукция. Сверкающие магазины переполнены товарами; несмотря на импорт-

ные ограничения, вы можете купить все, что душе угодно: от трактора до транзисторного приемника. Цены, конечно, соответственные.

Почти все магазины снабжены вывесками на английском языке. Недавно стали появляться вывески и на русском — для советских специалистов: инженеров, врачей, дипломатов и туристов. Продавцы ухватили дюжину-другую русских словечек, чтобы способствовать развитию контактов с покупателями из Страны Советов.

Рядом с магазинами для «толстых кошельков» вас подстерегают продавцы на тротуарах. Они предлагают галантерею, сладости, фрукты, цветы, носовые платки, сигареты, дешевые, в ярких обложках американские бевеки и советские книги (последние нередко на индийских языках). Американские книги, как обычно, полны секса и ужасов: «Династия смерти», «Смерть в сыпучих песках», «Раздетый для смерти», «Безумец после полуночи», «Грехами испепеленные», «Вот мое тело», «Удушье взасос», «Дневник проститутки», «Извращения вдовца».

Рядом с подобными «шедеврами» продаются книги русских классиков и советских писателей. Среди них «Капитанская дочка» Пушкина, «Война и мир» и «Анна Каренина» Л. Толстого, «Братья Карамазовы» Достоевского, «Тарас Бульба» Гоголя, «Дворянское гнездо» Тургенева, «Поднятая целина» Шолохова, «Золотая роза» Паустовского, «За дверьми рая» Упита, «Моя жизнь в искусстве» Станиславского, научно-популярная литература: «Клетка атома», «Химия для всех», «На дне морском», «Укрепляйте сердце», много хорошо иллюстрированных наших книжек для малышей.

Из Коннот Плейс мы направились в Старый Дели. Вот уже остались позади исторический Красный Форт, где 15 августа 1947 г. взвился трехцветный флаг свободной Индии, Джама Масджид — знаменитая делийская мечеть. И вскоре наша «Победа» очутилась на Чандни Чоук, главной артерии старого города.

Старый и Новый Дели различны, как небо и земля. В старом городе нет широких улиц, обсаженных цветущими деревьями, фешенебельных кинотеатров, магазинов, ресторанов. Улочки узкие, дома темные и душные, в них не пропадает ни одного дюйма площади. Каждый дом — муравейник.

Гурбакш, сердце которого давно уже улетело в Пенджаб, вынужден искуснейшим образом лавировать по улицам. Мы чуть не врезаемся левым крылом (в Индии движение левостороннее) в ресторан. Правда, не такой, как на Коннот Плейс. Повар восседает на тротуаре и выпекает пончики в раскаленной печурке. Терпеливые посетители сидят рядом с ним, естественно, тоже на тротуаре. Раз, два, три — и изысканный обед готов! Кто следующий? Четыре аны!

Вот муниципальный водопровод. Мытье и стирка идут полным ходом, прямо под открытым небом. Женщины мылят белье, дети плещутся, мужчины принимают душ чуть ли не на ходу. Чем не находка для художника! Грузовики, держитесь подальше!

А вот и одинокий мадари — факир, играющий на дудочке и демонстрирующий дрессированных змей. Вокруг него кольцо зевак с разинутыми от восторга ртами.

На Чандни Чоук, напротив ратуши, расположена просторная площадь. В центре площади некогда возвышалась Городская башня с часами. В один прекрасный день верхний этаж массивного сооружения с грохотом обрушился вниз, и усеченную таким образом башню пришлось снести. До сих пор неизвестно, насколько чаще стали опаздывать на работу те дельцы, которые по различным причинам не носят с собой часов. Ныне площадь служит местом всевозможных торжеств. На второй день Холи, индуистского праздника весны и красок, отмечаемого в день равноденствия, Всеиндийская ассоциация дураков проводит здесь свой ежегодный съезд.

В тот день дураки вновь назначили друг другу свидание, и мы не смогли удержаться от соблазна побывать в их обществе. Время прошло незаметно, и мы заверяем читателей, что никто из нас не жаловался на последствия этой встречи.

Представьте себе довольно просторную площадку. В центре солидная трибуна в индийском стиле: высокая деревянная платформа, устланная коврами и покрытая сверху и с трех сторон драпировкой с затейливым рисунком. На трибуне гордый осел — символ извечной глупости. На вершине шеста развевается флаг ассоциации — пара грязно-белых кальсон. Бесперывно выступают ораторы в островерхих колпаках. По уставу Ассоциации дураков каждый выступающий обязан нести не-

сусветную чушь. Громовые раскаты хохота несутся из толпы, от души наслаждающейся представлением. В конце собрания оглашается список отличившихся дураков. Это что-то вроде списка награжденных, он включает имена политиков и министров, ученых и поэтов. На свет божий извлекаются недостатки многих известных деятелей, и каждому воздается по заслугам. Никто не обижается на веселую критику.

Одни говорят, что этот обычай — индийский вариант «первого апреля». Другие считают, что сборище на второй день Холи имеет немало общего с традициями лондонского Гайд-парка.

Наша «Победа» медленно продвигается к дороге Грэнд трэнк роуд. Эта дорога ведет в Калькутту. Она же пересекает Пенджаб и достигает северо-западных районов Западного Пакистана на границе с Афганистаном. Если бы ее камни, скрытые ныне под асфальтом, если бы вековые деревья, растущие вдоль нее, заговорили! Сколько тайн истории народов Индии было бы раскрыто! Это — важнейшая в стране транспортная артерия, направление которой определилось еще в глубокой древности.

Мы выехали на окраину столицы, туда, где вздымаются гигантские мачты передатчиков Всеиндийского радио с ярко освещенными верхушками. Мы окунулись в кромешную тьму. Гурбакш Сингх включил приемник. Убаюкиваемые индийскими мелодиями, нежными прикосновениями ночного ветра, шепотом воздуха и тихой песней звезд, мы задремали, оставив судьбу машины, наши собственные судьбы в крепких руках Гурбакш Сингха.

Резкий толчок возвестил, что машина петляет по извилистой дороге. По обеим сторонам ее стояли пустые бочки из-под асфальта, окрашенные в белый цвет. Миновав этот своеобразный таможенный барьер, мы пересекли границу Дели и Пенджаба. Здравствуй, Пенджаб!

АМРИТСАР—«ОЗЕРО НЕКТАРА»

В полночь мы предполагали остановиться в Амбле. Но когда мы открыли глаза, уже занимался день, а машина неслась в Амритсар. Если вы посмотрите на карту Пенджаба, то увидите, что Амритсар находится совсем в другом конце штата. Без сомнения, благочестивого Гурбакш Сингха эта сикхская Мекка притягивала как магнит. Он мчался туда со скоростью межконтинентальной ракеты, не делая привалов и не заботясь о настроении пассажиров.

Амритсар — крупнейший город индийского Пенджаба с населением свыше 400 тысяч человек. Как и все пенджабские города, за исключением, пожалуй, юного Чандигарха, Амритсар разделен на старый и новый. И хотя разница между ними не столь явная, как между Старым и Новым Дели, ее нельзя не заметить. В городе есть свой Коннот Плейс, правда не круглый и без фешенебельных магазинов, переполненных товарами. В старом Амритсаре улицы и переулки не шире библейского пути в рай. Кое-где вы легко дотронетесь рукой до стены противоположного дома. Но даже на более широких улицах современный тяжелый грузовик тащится со скоростью черепахи под аккомпанемент негодующих возгласов прохожих, велосипедистов и лоточников.

Индия насчитывает несколько «восьмых чудес света». Это — Тадж Махал, пещеры Аджанты и Эллоры, Кутаб Минар и колонна Ашоки, ну и, конечно, храм богини Минакши в Мадураи.

Пенджаб тоже, и не без основания, может гордиться собственным «чудом» — Золотым храмом в Амритсаре. Своим именем город обязан водоему, в центре которого на островке стоит величественный храм, словно вознес-

шийся из глубин зеркальных вод. В переводе Амритсар означает «озеро нектара».

Город сравнительно молод. Его основали в конце XVI — начале XVII в. Рамдас и Арджан, четвертый и пятый «гуру» сикхов *. По приказу гуру Арджана в городе был вырыт водоем, в котором паломники могли совершать омовения. В центре его воздвигли храм. Он был заложен Миан Миром из Лахора, правоверным мусульманином и большим другом гуру. Вокруг храма постепенно вырос город, ставший важным религиозным и торговым центром. Итак, Амритсар и своим рождением и именем обязан храму.

Наскоро позавтракав, мы направились к «Дарбар Сахиб» — «Господину Двору», как обычно называют храм. Перейдя железнодорожный мост, мы вышли на Хол Ба-

* Сикхизм — реформационное движение внутри индуизма, возникшее на рубеже XV—XVI вв. Основателем его был Нанак (1469—1538). Его учение не признавало кастовых различий и провозглашало равенство людей перед богом. Последователи Нанака образовали общину сикхов (букв. «учеников»). Руководителей этой общины, первым из которых считается Нанак, называли гуру, т. е. «учитель», «наставник». При гуру Арджане (1581—1606) учение Нанака было кодифицировано: так возникло священное писание сикхов — «Ади грантх» («Изначальная книга»). Религиозным центром сикхов стал город Амритсар.

Сикхизм, отрицавший официальные культы и оппозиционный ортодоксальному индуизму и исламу, в XVII — первой половине XVIII в. стал идеологическим знаменем массового антифеодального движения пенджабских крестьян, ремесленников и торговцев, направленного против власти могольских и афганских феодалов. При десятом гуру Говинд Сингхе (1675—1708) община сикхов превратилась в вооруженную организацию, а ее члены стали называть себя сингхами — львами. С того времени пять к прочно вошли в жизнь сикхов: *кеш* — длинные волосы, *канга* — гребень, *кахч* — солдатские брюки, *кара* — стальной браслет, *кирпан* — сабля. Эти внешние признаки нового братства стали вскоре символами сопротивления тирании и угнетению. Борьба сикхов закончилась в 60-е годы XVIII в. их победой и образованием на территории Пенджаба нескольких небольших сикхских княжеств.

Феодализация сикхской общины, рост имущественного и социального неравенства привели к образованию привилегированной военно-феодальной прослойки сардаров. В начале XIX в. правитель одного из сикхских княжеств Ранджит Сингх (1799—1839) объединил под свою власть Пенджаб к западу от реки Сатледж, создав сильное централизованное государство. Это государство было аннексировано английскими колонизаторами только после смерти Ранджит Сингха в результате двух кровопролитных войн (1845 и 1848—1849 гг.).

зар, одну из самых оживленных и, пожалуй, самую широкую улицу Амритсара. По обоим концам ее возвышаются ворота и башни с часами. Здесь расположены крупные магазины и банки. Мы несколько раз переходили с одной стороны улицы на другую и скоро увидели здание муниципалитета. К нашему величайшему удивлению, напротив здания возвышалась мраморная скульптура королевы Виктории. Странное соседство: центр национального городского самоуправления и символ иностранного господства, а между ними узкая полоска улицы*.

Заметим, что такие контрасты еще часто встречаются в Индии. До сих пор индийцы ходят по улицам имени лорда Клайва, лорда Керзона, лорда Ирвинга и прочих «светлейших», экспортированных из Англии. Их время кончилось пятнадцать лет назад, однако мраморные и бронзовые привидения по-прежнему витают над многими площадями и парками индийских городов.

Индийцы последовательно избавляются от этих призраков. Улицам даются новые имена — национальных героев, выдающихся общественных деятелей. Проспект короля и Проспект королевы в Новом Дели были переименованы в Государственный, Правительственный проспект (Радж патх) и Народный проспект (Джан патх). Статуи чужеземцев обоих полов низвергаются с пьедесталов и отправляются в музейные закоулки. В штате Уттар Прадеш был принят даже закон, предписывающий убрать все такие памятники. Правительство стремится сохранить лишь памятники, имеющие историческую или художественную ценность, и избавиться от тех, которые оскорбляют национальное достоинство индийцев.

А что думает по этому поводу простой индиец? Иной раз он берет первый подвернувшийся под руку увесистый предмет, отправляется на незванный прием к «королям» и «вице-королям» и начинает операцию по «разделке» статуй. Так, один парень из Амритсара, приехавший в Дели, лишил носа величественную скульптуру Георга V. Этот король стоит перед Триумфальной аркой, известной под названием «Ворота Индии». По другую сторону арки ежегодно 26 января устраивается красочный парад в честь Дня Республики. Статуя, о которой

* Недавно муниципалитет принял решение убрать эту каменную глыбу.

Ассоциация дураков устраивает праздник

Британские тени все еще витают над Индией

идеть речь, очень высока, но юноша сумел добраться до ее головы. О чем он разговаривал с высочайшей особой, никто не знает, но пробыл он там долго и трудился в поте лица. Приехали полицейские. Но, увы, изъять возмутителя королевского спокойствия оказалось не так просто. Пришлось вызывать пожарную команду. Пока танцили лестницы, юноша успел отколоть несколько королевских пальцев, сжимавших жезл. Так он и остался стоять, монумент без носа, без пальцев, потерявший величие рыцарь довольно страшного образа.

Правда, в начале 1961 г., незадолго до визита королевы Англии Елизаветы II в Индию, реставраторы приклеили его каменному величеству нос и пальцы. Надолго ли? Как говорят в Индии, разбитый кувшин по черепку не склеишь. Относится это не только к кувшинам.

* * *

Чоук Ганта Гар — огромная площадь с воротами, ведущими в Золотой храм. Площадь кишит машинами и тонгами, забита лавчонками. Идет бойкий торг «кирпанами», «кангами», «карасами», блестящими искусственными венками, которые приносят в дар храму, изделиями пенджабских ремесленников и книгами духовного содержания. Заклинания торговцев, крики ослов, стук тележек и тонг — все сливается в бесконечный гул.

Нас встретили у ворот и пригласили в кабинет начальника отдела информации храма. Начальник оказался внимательным и любезным хозяином. Он объяснил, как вести себя в храме. Правила поведения сводились к следующему: а) нельзя входить в храм с непокрытой головой; б) в туфлях; в) иметь при себе табак и сигареты.

Даршан Сингх и Гурбакш Сингх без труда выполнили эти предписания: оба некурящие, как и полагается сикхам; у обоих на головах тюрбаны — тоже в соответствии с законом. Им пришлось только разуться. Бенюх же вынужден был на время расстаться с портсигаром и удобными туфлями — самым ценным своим достоянием. Затем в течение получаса он пыхтел, пытаясь из носового платка соорудить подобие тюрбана.

Говоря о правилах, мы забыли упомянуть, что в главное святилище храма нельзя входить с фотоаппаратом. И не без причины. Всего за несколько дней до нашего

приезда здесь произошел из ряда вон выходящий случай — следствие пагубной страсти туристов ловить в объектив все, что попадает на пути. Снимался документальный фильм о храме. Местная «звезда», которая отнюдь не славилась монашеским образом жизни, тоже принимала участие в съемках.

Сикхов обуяло смертельное негодование. Роль благочестивого паломника — и вдруг отдана «звезде»! И как она вообще попала в святое место? Ярость верующих обратилась на операторов: аппаратуру им пришлось списать по графе «усушки и утруски». Кроме того, их изрядно «оскорбили действием».

Мы вошли в храм, ведомые гидом, которого предоставил в наше распоряжение любезный начальник отдела информации. Это был превосходный гид. Безукоризненная английская речь лилась неудержимым потоком. Просто невероятно! Мы предположили даже, что где-то в нашем гиде запрятана магнитофонная пленка, а в отделе информации есть специальный пульт дистанционного управления. Иначе просто невозможно объяснить удивительную гладкость и непрерывность его объяснений.

Войдя в ворота, мы увидели Золотой храм. Казалось, угасающее солнце льет золото на его купола, а зеркальная поверхность озера по-своему воссоздает это удивительное сооружение.

К храму ведет «тропа странников» («парикрама»), выложенная мраморными плитками различных размеров. Эти плитки принесены в дар сикхами и индусами, чьи имена, а иногда и адреса высечены на них. За стеной выстроились маленькие «вспомогательные» храмы, так называемые бунги. В них служители культа читают святыя писания сикхов.

На полпути слева от тропы странников — проход, ведущий в общественную трапезную («лангар») и к открытым площадкам, на которых проводятся религиозные церемонии («девастан»). Трапезные составляют неотъемлемую часть сикхских храмов. Приверженец любой религии может прийти сюда в определенные часы и бесплатно получить пищу. Продукты обычно приносят прихожане. Они же готовят еду.

Трапезная представляет собой большой зал, разделенный пополам не доходящей до потолка перегородкой.

В одной части зала — кухня. Мы увидели кипящий котел, в котором варились овощи. Слева от него, образуя широкий круг, сидели не менее двадцати пяти женщин. Они ладонями раскатывали тесто и аккуратно раскладывали пончики на огромной раскаленной сковороде. В стороне стоял священнослужитель-грантхи и декламировал религиозные стихи, которые женщины удивительно ритмично и монотонно повторяли за ним, покачиваясь при этом в такт всем телом.

Участники описываемой сцены, казалось, ничего не замечали вокруг себя. Чем-то очень непривычным, непохожим на обыденную жизнь веяло от этой группы, и вообще вся картина производила глубокое впечатление. Им никто не приказывал прийти сюда. Они работали, пока хватало сил. Одна уходила, вместо нее приходила новенькая. Работа не останавливалась.

Вторая половина зала была своего рода столовой, только без мебели и посуды. Когда наступает обед, люди приходят и садятся рядами. Обед состоит из одного блюда: нескольких столовых ложек бобов и лепешки «чапати». Еду кладут прямо в протянутые руки.

Напротив трапезной расположена монастырская гостиница, названная именем гуру Рамдаса, основателя Золотого храма. Здесь, не платя ни пайсы, можно прожить два-три дня.

Узкий проход вывел нас к главному святилищу храма, великолепному трехэтажному зданию. Собственно, третьего этажа нет. Его место занимает золотой купол, окруженный позолоченными башенками. Наружные стены выложены мраморными плитками, искусно инкрустированными драгоценными камнями и эмалью. На втором этаже вокруг открытого дворика протянулся балкон. Стены дворика упираются в самое основание купола. Они также привлекают внимание филигранной работой и эмалью. Если Тадж Махал можно назвать мечтой, высеченной из мрамора, то храм в Амритсаре — мечта, воплощенная в золоте. На первом этаже лежит святая книга сикхов «Грант Сахиб». Здесь звучит торжественная музыка, здесь совершаются обряды, сюда приносят дары.

В храм ведут четыре двери, по одной в каждой стене. Это означает, что в отличие от индуистских храмов Золотой храм открыт для представителей всех каст и рели-

гиозных убеждений (например, в индуистский храм Бирла Мандир в Дели мусульмане не допускаются).

При входе в Золотой храм полагается отдать низкий поклон святой книге и пожертвовать монету или несколько цветков. Затем вы садитесь и слушаете музыку, которую музыканты посменно играют восемнадцать часов подряд. Музыка строится на классическом индийском ладе с типично сикхскими вариациями и манерой исполнения. Многие из верующих совершают омовения в водоеме. При этом запрещается употреблять мыло, растирать тело слишком энергично, а также выжимать купальные принадлежности.

Когда мы вышли из храма, Беньюх вдруг заметил длинную черную тень под водой. За ней мелькнуло еще несколько.

Ага! Вот они, долгожданные крокодилы! Гурбакш Сингх, где же ружье? Но оказалось, что тени принадлежат рыбам размером с крокодила. И, как сообщил гид, рыбы эти священные и столь же безобидны, как индийские коровы. Рыбак! Во имя спасения души и тела никогда не подходи к этому нектарному озеру!

* * *

Сикхов всего около восьми миллионов. В основном они живут в Пенджабе. Но едва ли сыщется уголок в Индии, где бы не было сикхов. В Калькутте, Бомбее и Дели сикхи работают водителями такси и автобусов. В Ассаме вся мебель сделана сикхами-плотниками. В Манипуре, области, расположенной недалеко от индобирманской границы, процветают многочисленные сикхи-торговцы.

Голод, безработица, нищета гнали сикхов в дальние края. Их можно встретить на базарах Малайи, Сингапура, Таиланда, Афганистана, Ирана, некоторых африканских стран. Сикхи работают на заводах Англии. Они обрабатывают поля в Канаде и Австралии. Границы и паспортные ограничения не существуют для них. Крестьянин-сикх продает клочок земли где-нибудь в Дообе, в междуречье Сатледжа и Беаса, покупает фальшивый паспорт и отправляется на чужбину. Его могут прогнать из «земли обетованной», могут посадить за решетку. Сикхи, как растения, которые пускают корни в любой

земле, гостеприимной и негостеприимной. Но корни уходят глубоко. Образ родины, где пять рек орошают поля и сливаются в Инде, никогда не изглаживается из их памяти.

Борода и тюрбан придают сикху внушительный вид. Сикха нельзя не заметить в толпе. Его отличишь за километр. Большинство сикхов — крестьяне. Это здоровый, крепкий народ. Работая на полях, они полагаются не столько на технику и новейшие методы ведения хозяйства, сколько на собственную силу и выносливость. Они влюблены в жизнь и в вино, изготовленное в собственной «винодельне», куда не в состоянии проникнуть вездесущее око сухого закона. Этот напиток они называют «Марки Ганди». Махатма Ганди, вождь национального движения, ратовал за развитие домашней промышленности, и крестьянин-сикх полагает, что, делая вино в собственном доме, он облекает идею деревенской промышленности в недостающие ей практические одежды. Этот домашний напиток очень крепок и вкусен.

У сикхов врожденный талант к техническим ремеслам и профессиям. Они отличные инженеры, механики, плотники. По всей Индии, особенно в промышленных районах — Бихаре, Бенгалии, Ориссе, тысячи сикхов управляют сложными машинами, выполняют работу, требующую известной квалификации. Немало сикхов трудятся на Бхилайском металлургическом комбинате. Сикхи — хорошие солдаты. Их очень много в индийской армии, в том числе среди офицеров. Процент грамотных сикхов очень высок.

Одним словом, сикхи горячие индийские патриоты, люди предприимчивые, изобретательные, культурные. Конечно, сикх, имеющий счет в банке, владеющий фабриками и заводами, домами и землями, отличается от сикха пролетария точно так же, как богатей отличается от неимущего в любой другой общине Индии, в любой другой стране мира. Классовое расслоение здесь столь же очевидно, а классовая борьба столь же остра. Но об этом мы расскажем ниже.

* * *

Джалианвала Багх! Здесь нет золоченых куполов и драгоценных украшений. Волшебные отражения не иг-

рают в священном водоеме. Узкий проход между обыкновенными кирпичными стенами выводит в парк, раскинувшийся на нескольких акрах земли. С трех сторон его окружают жилые дома, с четвертой отгораживает высокая стена. Здесь замирает шум большого города, а деревья тихо шелестят листвой. Все напоминает мирный уголок маленького города. Но подойдите поближе, и вы увидите, что стена вся изрешечена пулями.

Кто стрелял здесь? Какая трагедия разыгралась?

У этой стены кровавая судьба. В 1919 г. здесь произошло варварское избиение индийцев. Около двадцати тысяч человек пришли на митинг к стене Джалианвала Багх, чтобы сказать «нет» безжалостному британскому гнету и положить конец иностранному владычеству. Английские власти ответили градом пуль. Две тысячи человек погибло, еще больше было раненых.

То были тяжелые времена для индийцев. Колониальный гнет усиливался. В годы первой мировой войны пенджабцев заставляли вносить деньги в военные фонды. В британскую армию силой забирали индийских рекрутов. Если в семье было два или три брата, один из них уходил проливать кровь за то, чтобы «солнце никогда не заходило над Британской империей». До войны в британской армии служили сто тысяч пенджабцев. После этих призывов их число достигло четырехсот тысяч. Сколько их рассталось с жизнью на Сомме, в Египте, в Турции! Прокатилась волна народного гнева. Многие представители сельской администрации заплатились жизнью за свою угодливость перед англичанами. Налоги росли. Чаша народного терпения переполнилась. Бурное время было в Пенджабе. Все население, объединившись, поднялось против англичан. Мусульмане, индусы и сикхи вместе собирались на политические сходки (в мечетях, храмах, гурдварах). Никогда еще не видели подобных собраний минареты мечетей, купола индуистских «мандир» и стены гурдвар. Впервые там прозвучали революционные лозунги. Все три общины совместно праздновали Рам навали, день рождения Рамы — бога индусов. Отступила вражда между религиозными общинами, которую различными методами долго и упорно разжигали англичане.

Тридцатого марта 1919 г. во многих городах Пенджаба начались забастовки. На митингах и собраниях

с гневными патриотическими речами выступал доктор Сайфутдин Китчлу. 10 апреля он и другой выдающийся деятель национально-освободительного движения в Пенджабе, доктор Сатиапал, были арестованы. Вечером жители Амритсара вышли на улицы и двинулись к дому Китчлу. Англичане встретили их ружейным огнем.

Индийский национальный праздник Байсакхи отмечается 13 апреля. В этот день крестьяне начинают жатву. Тысячи жителей Амритсара и крестьян из ближайших деревень собрались 13 апреля 1919 г. в Джалианвала Багх в знак протеста против ареста руководителей и расстрела демонстрации 13 апреля.

И вот тогда кровавый генерал Дайер отрезал им единственный путь из Багха. Он расположил солдат на возвышении. Был отдан приказ: «Патронов не жалеть!» Огонь открыли без предупреждения. Не было укрытия, не было спасения. Праздник Байсакхи в тот год ознаменовался кровавой жертвой.

Скорбная память о зверском расстреле 13 апреля 1919 г., в день праздника радости и весны, — это все, что англичане оставили в Амритсаре.

Чтобы пожар не перекинулся на соседние штаты, Пенджаб изолировали от окружающего мира. Было введено военное положение. Пенджабцы — гордый народ. Они очень щепетильны, когда затрагивают их честь. Чтобы сломить волю народа, англичане издали приказ, который не знает себе подобных в истории. В Амритсаре есть улица, по которой индийцам было запрещено ходить во весь рост. По ней нужно было ползти на животе!

И все же генерал Дайер не был удовлетворен. Он жаждал новой крови. Позже генерал заявил, что ему, к сожалению, не хватило боеприпасов. К тому же проход был слишком узок, и броневики остались без работы, сетовал он. Ему хотелось, чтобы урок 13 апреля индийцы запомнили на вечные времена.

Генерала щедро наградили. Он получил поздравительную телеграмму от палаты лордов. Ему заплатили 30 тысяч фунтов стерлингов. И вообще ему повезло: он умер своей смертью. Жизнью поплатился другой тиран, тогдашний губернатор Пенджаба О'Двайер. Это он послал войска в Амритсар. Пенджабцы — добрый и вели-

кодушный народ, но они никогда не прощали и не прощают убийц.

Как узнал мир о пенджабской трагедии? Пенджабцы говорили нам, что сообщение, посланное из Дели в Англию, было перехвачено где-то в России, и молодая республика рабочих и крестьян рассказала потрясенному миру о чудовищном злодеянии.

Великий Ленин в 1921 г. писал, что в Британской Индии «революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар) и к публичным поркам и т. п.»*.

Трагедия в Джалианвала Багх вызвала возмущение всех патриотически настроенных индийцев. Великий поэт и общественный деятель Рабиндранат Тагор в знак протеста отказался от титула баронета. В письме вице-королю Челмсфорду, полным боли и гнева, он писал:

«Безмерная жестокость, с которой расстреляли этих несчастных, не имеет себе равных в истории цивилизованных правительств, за исключением известных примеров из недавнего и далекого прошлого. Принимая во внимание эту жестокость по отношению к беззащитному, беспомощному населению, проявленную силой, которая разработала самую совершенную и ужасающую систему истребления человеческих жизней, мы со всей ответственностью заявляем, что подобная акция не может быть объяснена политической необходимостью, ни тем более способна она найти моральное оправдание. Настал день, когда пожалованные знаки отличия жгут нас позором, усугубляя всеобщее унижение, и я отказываюсь от всех милостей, я хочу остаться со своим народом, который вследствие своей так называемой неполноценности обречен на существование, недостойное звания человека...»

Вряд ли когда-либо забудет народ Индии о событиях 13 апреля 1919 г. Мы были в Пенджабе, когда в Южно-Африканском Союзе произошла кровавая Шапервильская бойня. Индийцы, узнав об этом, сразу же вспомнили

* В. И. Ленин, *Тезисы доклада о тактике РКП на Третьем Конгрессе Коммунистического Интернационала*, — В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4, т. 32, стр. 430, 431.

тех, кто погиб сорок лет назад. Заголовки многих газет гласили: «Джалианвала повторилась в Южной Африке». Расстрел в Амритсаре стал символом бесчеловечной, варварской расправы колонизаторов с безоружным народом.

Мы молча стояли у стены. В душе затаилась боль. Но мы чувствовали и гордость. Ведь пенджабцы в 1919 г. не были одиноки. В те дни народ юного социалистического государства был с ними в одном строю!

ОБ ИНДИЙСКИХ ДОРОГАХ НОЧЬЮ И О ДРУГИХ ВЕЩАХ

Было совсем темно, но до Прит Нагара, где живет пенджабский писатель Гурбакш Сингх, тезка нашего водителя, оставалось еще миль пятнадцать. К тому же Даршан Сингх выражал сильное сомнение насчет того, в какой именно стороне лежит Прит Нагар. Он не раз бывал там, но только не ночью. А в эту ночь даже луна не появилась. Лишь где-то впереди тускло мерцали ураганные лампы — керосиновые фонари, которые подвешиваются к задним осям телег. «Победа» остановилась, мы вышли поразмяться и... заблудились. Ночлег под открытым небом превратился из проблематичной опасности в реальную перспективу. Наконец у обочины узкой дороги мы обнаружили родную «Победу», но без Гурбакш Сингха. Мы обошли близлежащие лавки, не обнаружили его и сразу оставили поиски. Шоферы везде одинаковы, и пенджабские шоферы не составляют исключения. Гурбакш Сингх мог заглянуть в винный погребок. На эту мысль навела нас громадная реклама «Пейте только Солон виски!» Там так уютно для тех, кто понимает. Но ведь по календарю сегодняшней день принадлежал к числу «сухих», и, естественно, все погребки были на запоре.

В Индии действует сухой закон. В некоторых штатах, например Махараштре и Гуджарате, все триста шестьдесят пять дней «сухие». Не выпадает ни капли спиртного. Нужно быть или очень богатым, или очень больным (в этом случае можно получить медицинский сертификат, рекомендуемый прием определенных доз спиртного), чтобы закон проявил снисходительность. Если вы не богач, не ходячая развалина, не дипломат, не журналист, не профессор, не торговец, не полицей-

ский, не офицер, то не видать вам рюмки в Бомбее, как своих ушей.

Однако к услугам поклонников Бахуса на самой верхней, равно как и на самой нижней ступени общественной лестницы — хорошо организованные шайки подпольных торговцев. Эти нарушители закона умудряются переправлять свой товар в молочных бидонах, бутылках из-под содовой воды, велосипедных камерах, канистрах из-под бензина, в ручках зонтиков... Дай им верблюда с грузом виски, они и его протащат сквозь игольное ушко таможни!

Но до чего же строги эти трезвенники в полицейских мундирах! Они не щадят даже несчастных иностранцев. Представьте, что вы судья. На скамье подсудимых двое нарушителей сухого закона. Один — пьяница, потенциальный объект несчастного случая. Другой — американский дипломат. В состоянии сильного опьянения он среди бела дня ворвался однажды в женский колледж в Новом Дели и начал гоняться за юными жрицами науки в надежде заработать рыцарские лавры (беднягу «жесток наказали»: из американского посольства в Индии перевели в посольство США в Норвегии. И, между прочим, с повышением). Так вот, кого бы вы оправдали на месте судьи?

Сухой закон свирепствует в Гуджарате и Махараштре. В Пенджабе обстановка спокойнее. Только дважды в неделю — во вторник и пятницу горлу предписывается быть «сухим». Тот вечер как раз был «без осадков», и Гурбакш Сингх это знал. Время тянулось так, как ему полагалось тянуться в «сухой» день, а наш ангел-хранитель не появлялся. Только через полчаса он неожиданно вынырнул из темноты и молча сел за руль.

Мы в самых строгих выражениях потребовали, чтобы Гурбакш Сингх объяснил свое таинственное исчезновение.

— Пятидесятимильный чай! — ответил он обиженно.

— Извини, друг! — воскликнул пенджабец.

— Извини, друг! — повторил украинец, хотя и не понял, за что пришлось извиняться.

Оказалось, что Гурбакш Сингх страшно устал и захотел выпить чашку горячего чая. Пенджабским водителям для работы требуются две жидкости: во-первых, бензин, во-вторых, чай. Водители грузовиков обычно

царствуют на ночных дорогах. Чтобы не заснуть и не столкнуться с коллегой, они открыли отличное лекарство — чай определенной крепости, или «лошадиной силы». Когда шофер заходит в придорожную чайную, хозяин сразу просит его назвать «градусы» чая: чем дальше путь, тем крепче чай. Есть «сорокамильный чай», «пятидесятимильный чай» и «чай шестидесятимильный»... Чашка чаю — неотъемлемое право пенджабского шофера.

Итак, везет нас Гурбакш Сингх — шофер к Гурбакш Сингху — писателю. По этому поводу позвольте небольшое отступление. У сикхов вполне достаточно имен, но наиболее популярны десятка полтора, а из них первенство держат Гурбакш Сингх, Грйтам Сингх, Картар Сингх, Джасвант Сингх, Даршан Сингх. Возможности для возникновения забавных ситуаций неограниченны.

Когда Даршан Сингх учился в колледже, на том же курсе было еще три Даршан Сингха. И всегда возникала путаница. Один Даршан Сингх изучал географию, другой философию, третий экономику. Их называли Даршан Сингх-географ, Даршан Сингх-экономист и Даршан Сингх-философ. Специальность приклеивалась к имени как титул или псевдоним (тахаллус) восточных поэтов.

Мы подъехали к Кхалса-колледжу. Здесь от Грэнд Трэнк Роуд ответвляется дорога на Прит Нагар. Даже при скудном свете звезд здание главного учебного заведения сикхов производит внушительное впечатление. Некоторые патриоты-сикхи утверждают, что все более или менее значительные сооружения Северной Индии несут на себе отпечаток архитектурного влияния Кхалса-колледжа. Они говорят, что, если у иностранца мало времени, а он хочет познакомиться с архитектурой Индии, ему достаточно посмотреть Кхалса-колледж, ну и, пожалуй, Тадж Махал.

Даршан Сингху повезло, он учился в Кхалса-колледже и составил собственное, несколько иное мнение об архитектурных способностях сикхов. Даршана поместили в общежитии колледжа, которое только что освободили от строительных лесов. Многих сил и терпения стоило сооружение двухэтажного общежития. Здание воздвигли в кратчайшие сроки. На открытие прибыл сам ректор. Он обошел первый этаж, заглянул в каждую комнату и решил совершить восхождение на второй этаж. Вот

тут-то и рухнула вера Даршан Сингха в строительный гений сикхов. Ректор долго искал лестницу, ему помогали все присутствовавшие, заглядывали в каждую дыру, но лестницы не оказалось. Ее просто забыли запроектировать. Кто-то предложил снести второй этаж и построить его заново, на этот раз с лестницей. Но в конце концов в крыше веранды пробили отверстие и к нему приставили недостающую архитектурную деталь.

Мы миновали окраины Амритсара. Желтые огни, дым и чад, приглушенный лай собак — все это превратилось в очередные воспоминания. А наша «Победа» мчалась навстречу новым впечатлениям. По шоссе редкими всплесками проносились огни. Слева и справа тянулись молчаливые, погруженные во мрак поля. Дремали деревья, закутавшись в покрывала из листьев. Небо словно нарочно вывалялось в угольной пыли, чтобы звезды блестели ярче. Какой-то крестьянин сидел, опустив ноги в ручей, и играл на вадже — флейте. Однообразная мелодия растворялась в темноте. Земля отдыхала. Ее прохладное, освежающее дыхание гнало сон прочь.

Наконец, минут через двадцать вдали замелькали светлячки. Как будто несколько звезд приблизилось к земле, чтобы лучше ее рассмотреть. Это был Прит Нагар — «прибежище любви», колония, основанная известным пенджабским писателем Гурбакш Сингхом. За рулем сидел мастер своего дела, и машина летела как стрела. «Победа» остановилась у автобусной остановки Прит Нагара.

«РУССКАЯ» ДЕРЕВНЯ

До 1937 г. здесь стояли ветхие, полуразвалившиеся постройки времен Моголов, служившие убежищем для разбойников. После захода солнца «рыцари большой дороги» разжигали огромные костры. Их было видно за много миль. Дрожащие языки пламени казались пляской привидений. Не удивительно, что место это пользовалось дурной славой, а владелец земли уверял, что злые духи свили здесь гнездо и разводят ночью костры, предавая огню свои жертвы. Поэтому, когда писатель предложил купить землю, хозяин был счастлив от нее избавиться.

И вот в таком «нечистом» месте появляется Гурбакш Сингх и засучив рукава берется за дело: выравнивает землю, возводит постройки, устраивает типографию и начинает выпускать популярный ежемесячник «Прит Лари». Рвение пришельца поразило деревенских жителей. Стали поговаривать, что у него «не все дома», что он фальшивомонетчик или даже иностранный шпион, что он нарочно избрал такое дикое место для своих темных делишек.

Идеи Гурбакш Сингха о дружной, совместной жизни привлекли в Прит Нагар много людей. Начали строить дешевые дома, открыли бесплатную среднюю школу. Устроили общественную столовую. Обед готовили для всех, и все обедали вместе. Любой человек мог сесть за стол, к какой бы касте он ни принадлежал, кем бы он ни был. В некоторых домах неделями не разжигали печей. Такое «объединенное питание» имело целью избавить женщин от тяжелой домашней работы, дать им возможность попробовать свои силы в общественной деятельности. В те дни подобные новшества связывали

с опытом русских. В деревне не было ни гурдвары, ни мечети, ни мандира — случай, из ряда вон выходящий.

Гурбакш Сингх начал по-новому преподавать в школе. Его ученики совмещали учебу с трудовой деятельностью. Школьники изучали не только арифметику и географию, но и музыку и различные ремесла. В учебную программу, например, входило столярное дело. Но самое удивительное — учителям запрещалось сечь детей! Порка в те дни составляла неотъемлемую часть школьных правил. На столе учителя лежали классный журнал и розги. И по сей день в деревенских школах ребята знакомы с «ивовой кашей», но в более умеренных порциях.

Даршан Сингх помнит, например, что он сам не раз «просвещался» подобным образом. С первого класса школьные премудрости вколачивались с помощью прутьев. В десятом классе ему попался учитель-энтузиаст: для него не было большего наслаждения, чем лупить учеников линейкой по ладоням. Он проводил экзекуцию раз в месяц, зато доставалось всем, даже старосте. В классе было около пятидесяти учеников, и учитель основное время тратил на «исправление» характеров. Ученики до тонкостей изучили характер своего ментора и безошибочно предсказывали «бурю» или «штиль». Они знали: раз преподаватель явился в туго обмотанном зеленом тюрбане и черном сюртуке, значит, месячная норма «розгина» уже прописана и надо готовиться к приему «всеобщееобразовательного» лекарства.

В книге «История моей жизни» Гурбакш Сингх вспоминает такой случай. Однажды учитель, рассердившись на ученика, подвесил его за косицу (вы не забыли, что сикхи не стригутся?) к лестнице-стремянке. Бедный парень висел, а класс сидел, застыв от ужаса. Косица не могла выдержать долго тяжести тела, оборвалась, и провинившийся грохнулся об пол.

Отличительной особенностью «трудовой школы» Гурбакш Сингха было индивидуальное воспитание учащихся. Один учитель приходился здесь на пятнадцать учеников. Прит Нагар стал важным культурным центром. Каждый год 31 марта в деревне устраивался своеобразный праздник. Собирались писатели, читатели, деятели культуры. Писатели рассказывали о новых книгах, самодеятельные артисты давали представления, полити-

ческие лидеры разъясняли позиции различных партий. В 1942 г. Прит Нагар посетил Джавахарлал Неру, высоко отозвавшийся о начинаниях Гурбакш Сингха.

С культурным кружком, сформировавшимся в Прит Нагаре, связано не только творчество Гурбакш Сингха и его сына Навтеджа, но и прозаика Нанак Сингха, поэта Пиара Сингх Сахраи, автора коротких рассказов Науранг Сингха, пенджабского художника Собха Сингха.

Было время, когда политику в Прит Нагар не допускали. Гурбакш Сингх отрицал действительность политических лозунгов. Он верил в свою «программу созидания» и рассылал энтузиастов в близлежащие деревни с наказом поднимать сельское хозяйство. Но события в мире и особенно нападение Гитлера на Советский Союз изменили отношение писателя к политике. Он твердо стал на сторону левых сил.

Все, о чем мы рассказали, произошло до разделения Пенджаба 15 августа 1947 г. Граница, разрезавшая Пенджаб, прошла недалеко от Прит Нагара. В маленькой процветающей колонии идеалистов началось брожение. Многие покинули Прит Нагар, ученики после каникул не вернулись в «трудовую школу». Даже Гурбакш Сингх со своей семьей переехал в Дели. На несколько лет Прит Нагар опустел.

Мы в уютной гостиной писателя. Нашему хозяину за шестьдесят. У него седая, волнистая борода и лицо, на котором читаешь мудрость прожитых лет. А глаза — яркие, они решительно вступают в спор с сединами. В глазах любопытство и теплота. Идет неторопливый разговор. Мы спрашиваем, сколько ему лет. Он отвечает, что в Советском Союзе одна молодая женщина задала ему тот же вопрос. Он сказал: «Шестьдесят пять». Тогда собеседница ласково поправила его: «Шестьдесят пять — вашей бороде. Но глазам больше тридцати не дашь. Ваши глаза — мои ровесники».

— Одним словом, женщины указывают нам правильный путь, — улыбнулся писатель, — пусть нам будет столько лет, на сколько нам хватает сил.

Энергии Гурбакш Сингха может позавидовать двадцатипятилетний. Попробуйте хоть однажды повторить распорядок дня, которому следует Гурбакш Сингх и который он за последние сорок лет ни разу не нарушил.

Заморский дипломат в женском колледже

Осторожно — хокеры!

Подъем — 4 часа утра;
Прогулка и гимнастика — с 4 до 5;
Душ — с 5 до 5.30;
Работа — с 5.30 до 7.30;
Завтрак — с 7.30 до 8;
Работа для «Прит Лари» — от 8 до часа дня;
Обед — с часа до двух;
Чтение «для души» и отдых — с 2 до 2.30;
Послеобеденный сон — с 2.30 до 3.30;
Разбор литературы, писем, прием посетителей —
с 3.30 до 4.30;
Работа на ферме — с 4.30 до 6.30 вечера;
Прогулка и гимнастика — с 6.30 до 8;
Ужин — с 8 до 8.30;
Работа — с 8.30 до 10;
Сон — с десяти вечера.

Каково? Причем, учтите, расписание выполняется неукоснительно: писатель работает, как астрономические часы. В общем, как говорится, в здоровом теле — здоровый дух.

Мы проговорили с Гурбакш Сингхом до поздней ночи (вероятно, это было одно из тех редких исключений, когда строгость расписания отступила перед любезностью хозяина). Писатель сразу же вспомнил свои поездки в Советский Союз.

Впервые Гурбакш Сингх побывал в СССР в 1955 г. в составе делегации сторонников мира. В 1958 г. он был в Ташкенте, представляя Индию на Конференции писателей стран Азии и Африки. У него много друзей в Советском Союзе, среди них поэты Н. Тихонов и Мирзо Турсун-заде.

У Гурбакш Сингха есть и советская дочь. Это известная поэтесса Зульфия.

Дочь? Каким образом? Ведь она узбечка, а он пенджабец.

Вместе с группой советских писателей Зульфия участвовала в работе Конференции писателей стран Азии в Дели. Гурбакш Сингх тоже был там. Они встретились и познакомились на приеме. Зульфия пригласила пенджабского писателя в Ташкент, на очередную конференцию. О последующих событиях рассказал сам Гурбакш Сингх на открытии Ташкентской конференции. Его речь была посвящена концепции национализма. Но своим вы-

ступлением он наверняка содействовал делу интернационализма; писатель предложил Зульфийи стать ее названным братом. Однако Зульфийа предпочла иметь отца в лице Гурбакш Сингха. И вот с тех пор у него в Советском Союзе есть дочь. Зульфийа побывала в Прит Нагаре вместе с другими советскими писателями — Мирзо Турсун-заде, Севунцем, Абашидзе, Мустафиным, Садыкбековым, Софроновым, Симоновым, Карасейтлиевым и Мехти Гусейном.

В тот день небо заволокли тучи, начался дождь. Дорогу развезло, и Гурбакш Сингх боялся, что советские гости, встречи с которыми он так ждал, не смогут добраться до Прит Нагара. Но не успели они доехать до соседней деревни Лопоке, как тучи удалились и заходящее солнце приветствовало гостей.

Обращаясь тогда к советским писателям, Гурбакш Сингх сказал:

«С самого основания Прит Нагар называли „русской деревней“. Но до сегодняшнего дня здесь не ступала нога ни одного русского. Сегодня Прит Нагар оправдал свое название...»

Гурбакш Сингх показал нам сувениры, подарки советских людей: фигурка из дерева — подарок Тихонова. Краюха хлеба — от ректора Ташкентского университета. Подсвечник — от писателя Лукницкого, автора «Ниссо». Этот подсвечник был у советского писателя в грозные дни Ленинградской блокады. Теперь, когда гаснет свет, Гурбакш Сингх вставляет в старый подсвечник свечу, и желтое пламя бросает причудливые блики на стены полутемной комнаты.

Вместе с хозяином мы поднялись на крышу дома. Вдали слева светились огни Лахора, некогда культурного и политического центра неразделенного Пенджаба. Справа сверкал огнями Амритсар. В темном небе между двумя городами протянулась световая арка. Огни двух больших городов могут соединяться, а жители лишены такой возможности. Свет не нуждается в визах и паспортах, он не обязан отчитываться перед таможенниками. Другое дело — люди. Ныне жители этих городов-близнецов принадлежат двум различным странам — Индии и Пакистану. Их разъединяет недоверие, посеянное недоброй рукой.

Гурбакш Сингха обычно зовут Гурбакш Сингхом из «Прит Лари». Этим титулом он обязан старейшему и самому популярному пенджабскому ежемесячнику, который основан в 1933 г. Перелистайте журнал, и вы увидите на его шестидесяти страницах калейдоскоп тем. Короткие рассказы, поэмы, статьи по астрономии, физике, химии, сельскому хозяйству, по вопросам пола, здоровья. Каждый номер открывается передовицей, посвященной проблемам современности, и заканчивается обращением к читателям. Главный автор — сам Гурбакш Сингх. Его проза превосходна. Пишет ли он о совещании в верхах или вспоминает о далеком детстве, это одинаково интересно. Даже самую сложную проблему он решает с исключительной простотой. Из любого лабиринта мыслей он найдет выход, и в результате, как гласит пенджабская поговорка, «отец и дочь могут читать вместе», все становится понятным. Его литературному дару отдают должное даже самые ярые противники в идеологических боях.

«Прит Лари» — любимый журнал пенджабцев. В первую неделю каждого месяца почтальоны стучатся в квартиры подписчиков в самом Пенджабе, в других штатах Индии, а также в других странах.

Журнал Гурбакш Сингха теперь читают в глинобитных крестьянских лачугах и закопченных рабочих кварталах. А ведь было время, когда о «Прит Лари» знала лишь группа просвещенных людей. Рассказ о «Прит Лари» — не просто история скромного журнала с тридцатилетним непрерывным стажем. Нет, это рассказ о самом Гурбакш Сингхе, о том, как менялось его мировоззрение. «Прит Лари» — это зеркало большой жизни писателя и в определенном смысле летопись современной пенджабской литературы.

Гурбакш Сингх знает в жизни две «пламенные страсти»: литература и сельское хозяйство. В 1933 г. он основал «Прит Лари». Тогда же он приобрел трактор и кусок пустоши около Наушехры в Северо-Западной пограничной провинции.

Несколько лет он учился в Мичиганском университете на строительном факультете. «Американская страница» занимает особое место в его жизни. Он приехал в

США из поработанной страны, народ которой помнил свое великое прошлое и трезво оценивал неприглядное настоящее. Американцы произвели на него благоприятное впечатление. Правда, ему не нравилось, что из всех храмов они чаще всего заходят в храм Маммоны и убеждены, что «нет бога, кроме доллара, и банковый счет — пророк его». Сам Гурбакш Сингх был обладателем того кармана и смелого плана: получить высшее образование, не рассчитывая на богатого дядюшку. Гурбакш Сингху приходилось содержать не только себя, но и посылать деньги в Индию двум своим братьям, которые учились в колледже. И все-таки в Америке он сумел получить образование и остался на высоте в глазах родных. Может быть, это определило его радужное отношение к США, ибо в общем жизнь за океаном у него сложилась нелегкая. Чтобы просуществовать, будущий писатель работал истопником, мыл окна и убирал снег. Тогда он впервые услышал о Советском Союзе. Он узнал, что церковь там отделена от государства. Гурбакш Сингх, веривший в равенство людей и отрицавший религию, ощутил восхищение перед Страной Советов, перед ее великим вождем. Он навсегда запомнил вечер, когда, возвращаясь в Индию, узнал о смерти Ленина.

В начале второй мировой войны Коммунистическая партия Индии перешла на легальное положение. Сын Гурбакш Сингха, пенджабский писатель Навтедж, хорошо известный в Советском Союзе, «заразился» левыми идеями. Сын, его друзья, книги, которые они доставали, помогли Гурбакш Сингху лучше узнать СССР. Ему понравилась наша страна и ее социальная система. Но он не был, если можно так сказать, равнодушен и к американскому образу жизни. Взгляды писателя переменялись в 1945 г., после варварской атомной бомбардировки японских городов.

С тех пор Гурбакш Сингх постоянно пишет о Советском Союзе и социализме. «Прит Лари» установил тесные связи с левым движением Пенджаба. Богатые читатели прекратили подписку на журнал, но вместо них появились тысячи бедных, благодарных и понимающих. Гурбакш Сингх много сделал для популяризации советского опыта, удовлетворяя огромный интерес пенджабцев к успехам Советского Союза. Читатели засыпают его вопросами о жизни советских людей.

Среди многочисленных разделов «Прит Лари» есть постоянная рубрика «С моего балкона». «Стоя на балконе», Гурбакш Сингх рассказывает читателям журнала обо всем на свете. Вот наудачу несколько вопросов и реплик, напечатанных в «Прит Лари»:

— Ваша писанина меня злит. Вы говорите, не за горами время, когда не будет голодных. Но если кто-то имеет машины, дома, знакомства, это не значит, что людям вообще живется лучше. Я лично не вижу перемен в жизни бедняков.

— Вы пишете, что астрология лишена научной основы. Но опять и фильмы убеждают, что астрология — реальная и правильная наука. Что же верно?

— В нашей местности змеиный укус лечат заклинаниями. Что вы скажете по этому поводу?

— У моей жены ужасный характер. Что бы она ни сделала — все из-под палки. Я, естественно, выхожу из себя. Вы, наверное, посоветуете мне отказаться от применения силы, но тогда она вообще ничего не станет делать. Как мне быть?

— В какой вере вы воспитаны?

— Говорят, красота — мать любви. Насколько это верно?

Гурбакш Сингх написал около двадцати книг. В том числе роман, пьесу, шесть сборников рассказов и столько же сборников статей. Он превосходный переводчик, впервые по-настоящему открывший пенджабцам «Мать» Горького. Правда, перевод романа существовал и раньше, но отличался он невысоким качеством.

Когда будущий хозяин Прит Нагара написал свой первый рассказ? Об этом тоже можно написать целый рассказ. Он служил тогда клерком в интендантстве и хотел перейти на курсы управляющих в Рурки. Но у него не было денег. Единственное, что оставалось, — уговорить жену продать драгоценности. Страсть пенджабских женщин к золотым украшениям известна, поэтому перед Гурбакш Сингхом стояла трудная задача. Он прибег к хитрости: написал рассказ о мужественной супруге, которая всем пожертвовала ради мужа, и показал жене. Она прослезилась и поступила, как героиня рассказа.

ГАЗЕТНАЯ КАРУСЕЛЬ

Мы ехали из Амритсара в центр газетной индустрии Пенджаба — Джалландар. Нам не терпелось скорее ощутить пульс города, а для этого очутиться среди журналистов.

Когда едешь по узким улицам Джалландара, вспоминаешь русскую сказку: налево пойдешь — счастье найдешь, направо пойдешь — смерть найдешь, назад пути нет, а впереди — неизвестность. Но в Джалландаре никакой неизвестности быть не может. И справа, и слева, и впереди вас встречают редакции газет.

Машина ехала по узким улицам, и квартал за кварталом перед нами открывался один из древнейших городов. Возникший в незапамятные времена, Джалландар всегда играл важную роль в истории Страны пяти рек.

Весь район Джалландара располагается между реками Беасом и Сатледжем и составляет часть Доаба (междуречья, или двуречья) Джалландар. Земля здесь славится плодородием, а люди — трудолюбием и инициативой. Этот район дал Индии многих известных и безымянных революционеров. В начале двадцатых годов он был центром движения «Бабар Акали». Члены этой тайной террористской организации призывали пенджабцев с оружием в руках бороться против колонизаторов, за освобождение своей родины.

После раздела Пенджаба Джалландар некоторое время играл роль столицы Пенджаба. Даже после переезда правительственных учреждений в Симлу, а потом в Чандigarх, в Джалландаре по-прежнему находился департамент реконструкции — один из важнейших правительственных органов штата. Из Лахора сюда переебрались многие газеты. Кроме того, Джалландар —

центр спортивной промышленности. До раздела Индии в 1947 г. население города не превышало 80 тысяч. Сейчас оно доходит до 300 тысяч.

Если бы Гурбакш Сингх не стал шофером в Дели, население Джалландара было бы на одного человека больше. Гурбакш Сингх родился в Джалландаре и знал в городе каждый закоулок. Уже на окраине он объявил, что на время осмотра этого города он берет на себя обязанности нашего гида и наставника.

В Джалландаре много исторических памятников. Однако первую остановку Гурбакш Сингх сделал у маленького, ничем не примечательного магазинчика. «Смотрите, — произнес он торжественно, — фабрика спортивных товаров. Хоккейные клюшки, мячи, ракетки — все это делают здесь». Глаза у новоявленного гида заблестели. Наверное, он вспомнил дни, когда был защитником в школьной хоккейной команде. «Сколько матчей выиграл, сколько кубков и призов получил»... — начал Гурбакш Сингх.

Нас ожидала хоккейная, волейбольная, баскетбольная, футбольная одиссея. Но, увы, более равнодушной аудитории Гурбакш Сингх не встречал. Однако мы решили ознакомиться с производством спортивного инвентаря. Нам было интересно взглянуть, как соскакивают с конвейера упругие кожаные божки. Итак, мы вступили на фабрику, которая носила гордое название «Мячи и ракетки. Международная торговля».

Сразу скажем, что никакого конвейера здесь не оказалось и вообще представление о фабрике у нашего гида было довольно странное. С десятков мастеров посредством весьма нехитрых инструментов производили немногочисленные предметы спортивного инвентаря. В лучшем случае фабрика заслуживала название мастерской. Что же касается второй половины названия, то как раз она никаких сомнений не вызывала. Мастерская и в самом деле выпускала изделия, которые шли на экспорт в Англию и другие страны. Спортивная промышленность Пенджаба всегда представляла собой конгломерат мелких предприятий. Однако марка ее получила, и вполне заслуженно, широкую известность за границей.

Иное дело, знает ли английский спортсмен, что его ракетка или бита сработана простым пенджабским ремесленником в маленькой мастерской в Джалландаре?

Отвечаем: не знает. Он уверен, что ее сделали на родном острове. На ракетке клеймо: «Сделано в Англии». Английские импортеры продают индийскую продукцию как отечественную. А сколько еще товаров подвергается подобной «цивилизующей» трансформации? Например, благоуханный чай Ассама, Северной Бенгалии и Нилгири. Его подготовку на экспорт завершают в Калькутте и Мадрасе. Но в Западной Европе продают с ярлыком «Сделано в Англии».

— А вот, — провозгласил Гурбакш Сингх, остановив машину, — редакция газеты «Аджит». Эту газету читаю я.

— Это по нашей части, — ответил Даршан Сингх, и мы вошли в здание.

Сперва нас встретил полутемный двор, заставленный пустыми ящиками и всяким старьем. Затем мы поднялись по крутой, только что выстроенной лестнице, которая, однако, уже успела постареть, и оказались в комнате средних размеров. Комнату загромождало примерно пятнадцать столов, расположенных причудливым орнаментом, если не сказать, лабиринтом. Работать в таком помещении, право же, нелегко.

Наконец мы попали в родную стихию. Только те, кто присутствовал при рождении газеты, способны понять нас. Рукописи, которым еще предстояло стать статьями, письма читателей, гранки и наборные доски, полосы и вырезки, пустые чашки, бесконечные телефонные звонки, вечные посетители, общий гул редакции — все это было таким знакомым и все-таки совсем другим.

Редакции индийских газет делятся на две категории. Первая — в американском стиле: большая комната, ряды редакторских столов, невероятный процент сигаретного дыма в одном кубическом метре воздуха, громкий говор и крики из соседнего кабинета, где сидит «сам»:

— Черт возьми, куда делась гранка с третьей полосы?

— Крошка, а ну, мигом, за кока-кола!

— Мисс Улитка, соединишь ты меня наконец с экспедицией?

— Какой идиот считывал заголовки первой полосы? Опять Мак-Картти вместо Мак-Артура!

— Ну, хватит, старик, здесь не приют! Твоя новость только корзину украсит. Нам подавай сенсацию! Ты уз-

нал, что младенец загрыз тигра? Нет?! Ну, так давай, кати отсюда!

Вторая — редакция британского типа: много небольших комнат с надписями: «Не курить!», «Не кричать!», «Не...» и т. д. Редакции пенджабских газет соединили лучшие и худшие черты приведенных выше категорий, разумеется, с учетом колорита. Предположим, вы живете в Пенджабе и решили стать журналистом. Прежде чем вступить на тернистый журналистский путь, надо помнить, что заработная плата новичка составляет 150 рупий плюс время от времени компенсация непредвиденных расходов. Но даже самый зеленый новичок знает, сколько врагов у этих 150 рупий: квартира съест 40 рупий, питание — 100 рупий, одежда — 30 рупий, обучение детей — 15 рупий за каждого ребенка, врачи — 15 рупий и т. д. Не надо быть бухгалтером, чтобы насчитать уже свыше 200 рупий. Ну как, вы все еще хотите стать журналистом в Индии?

Хотите? Тогда давайте посмотрим, каким именно?

Мэнэджером? (теплое местечко, но, к сожалению, передается по наследству). Главным редактором? (увы, «вакансия как раз закрыта»). Заведующим отделом? (сначала надо созреть — 15 лет работы в редакции). Заместителем заведующего? (период созревания сокращается на пять лет). Литературным сотрудником? (кто последний? очередь огромная). Корректором? (тут вам, пожалуй, повезет, хотя эта работа достаточно далека от журналистики).

Не хотите работать в штате, что ж, вступайте в лигу «свободных художников». Но помните, что в одно не очень прекрасное утро владелец «свободного пера» оказывается перед дилеммой: продавать ли башмаки или рискнуть в последний раз выйти на улицу в поисках заработка? Ибо в одной газете гонорар будет равен плате за такси, в другой — заменен полновесной порцией комплиментов вашим талантам, а в третьей упорного искателя гонораров встретит роковое объявление: «Газета обанкротилась».

В Пенджабе около четырехсот тридцати газет и журналов (во всей Индии семь с половиной тысяч). Подавляющее большинство издается на языке пенджаби. На втором месте — издания на урду. Газет, выпускаемых на хинди и английском, сравнительно немного. «Три-

бюн», единственная ежедневная газета на английском языке, издается в Амбале. Она напоминает крупные газеты на английском языке, издаваемые в Дели, Бомбее, Калькутте, Мадрасе.

Провинциальные газеты на индийских языках существуют на своеобразном хозрасчете. Финансовые ворота их, как правило, не субсидируют, в большинстве случаев главный редактор является владельцем газеты. По сравнению с газетами на английском языке тиражи их невелики, полиграфическое качество ниже. Однако покупают их с большим удовольствием: читатели таких газет лишены скепсиса подписчиков английских изданий, их вера в печатное слово безгранична.

Предположим, вы пенджабец и регулярный читатель местной газеты. Как она попадает вам в руки? Если вы подписались на целый год (что случается весьма редко), то газета приходит с почтальоном. Почтовые ящики на дверях отсутствуют. В определенное время вы встречаете почтальона во дворе и он вручает вам корреспонденцию.

Большинство читателей в Пенджабе, да, пожалуй, и во всей Индии, получают свою порцию новостей через «хокеров», весьма любопытной разновидности разносчиков газет. «Хокер» значит лоточник. Можно предположить, что чем крепче у него глотка, тем больше шансов на успех. Однако на самом деле успех прежде всего зависит от того, как «хокер» ездит на велосипеде.

Пенджабским «хокерам» были бы обеспечены призовые места на многодневных международных велогонках. Какая бы ни была погода, их рабочий день начинается около двух часов ночи. На предельной скорости мчатся они в центральное агентство, чтобы получить порцию газет, а затем разъезжаются по городу. Они всегда спешат. Проезжая мимо нужного дома, «хокер», не глядя, швыряет газету. Описав кривую, она попадает в нужное место.

«Хокеры» налетают, как ураган, проносятся, как смерч, исчезают, как торнадо. Вполне естественно, что при этом они сохраняют полнейшее инкогнито. Лишь в первое воскресенье каждого месяца они появляются перед читателем в своем обычном виде и получают месячную стоимость газет. Если вам вдруг надоела газета, ничего не поделаешь, придется потерпеть до очередного разговора с «газетометателем». Представьте, что пятнад-

цатого числа вы с семьей на несколько недель покинули город. Две недели подряд «хокер» с прежней настойчивостью будет бомбардировать ваши окна или двери, распугивая воробьев.

Разносчики получают газеты в кредит. Ежемесячно, собрав деньги с клиентов, они сдают их в редакции газет. Но «хокеры» не альтруисты и не бескорыстные сеятели знаний: 25 процентов месячной стоимости газет оседает в их карманах.

Есть и такие «хокеры», которые много кричат и мало ездят. Это продавцы вечерних газет. Они до того прилипчивы, что приходится купить газету хотя бы только для того, чтобы тут же ее выкинуть.

Но вот у нас в руках обычная, умеренная буржуазная газета, каких в этом штате десятки. Перелистаем ее...

Газеты на местных языках обычно состоят из четырех страниц, примерно формата «Правды». По вторникам, пятницам и воскресеньям они выходят специальными выпусками на шести страницах. По вторникам первая и последняя страницы газеты заняты иллюстрированными новостями и материалами о сельском хозяйстве и промышленности. По пятницам они отданы фотографиям кинозвезд в соответствующих позах и сообщениям о последних фильмах, где эти «звезды» взошли. По воскресеньям читатели получают сборную солянку: «О чем бишь нечто? Обо всем...»

В будничных номерах «шапка» первой страницы может гласить: «Афера вокруг подземных коммуникаций: нити ведут к министру финансов». Или: «Альянс Бонна и Парижа — угроза или перспектива?» Новостей, как правило, много, и читатель оказывается в курсе всех событий на родине и за рубежом. Однако международные новости черпаются из западных источников и, естественно, отличаются «неподкупной» тенденциозностью «свободного мира». Часто на первой полосе помещается карикатура, неотъемлемая принадлежность газеты. Карикатуристы отражают, иногда весьма зло, какое-нибудь событие в Индии или за рубежом. Карикатуры печатаются обычно под постоянной «шапкой», например «Ну и жизнь!» и т. п.

На второй странице — передовая, часто не одна, и статьи по самым разнообразным вопросам. Редакторы пишут обо всем на свете — от ядерного разоружения до

собственной простуды. Например, рядом с передовой о предстоящих президентских выборах в США помещена вторая, в две колонки, о поездке редактора газеты в Амбалу. В статье говорится:

«Позавчера вечером я выехал из Джалландара в Амбалу почтовым поездом. Ехал я первым классом. В Амбалу был приглашен на открытие новой библиотеки в средней школе. Я переоделся ко сну и удобно устроился на своем месте. Поезд быстро мчался. Под стук колес я задремал. В полночь мы подъехали к Амбале.

Несмотря на поздний час, меня встречала толпа народа. Прибыл и школьный оркестр, который сыграл несколько вещей. Оркестр не помешал спящим пассажирам, ибо на станции и без того стоял гвалт.

Утром я присутствовал на открытии библиотеки. Я разрезал голубую ленточку и во главе процессии направился в помещение. Меня попросили выступить с речью. Наступила полная тишина. Зал был битком набит. Говорят, никогда еще здесь не собиралось так много людей и никого не слушали с подобным вниманием.

Вечером на Амритсарском экспрессе, первым классом конечно, я поехал домой и на заре прибыл в Джалландар».

Или, представьте, случилось несчастье: достойный редактор, став жертвой вирусов, приобрел легкий кашель и потерял трудоспособность. Газета тут же сообщит об этом прискорбном событии и попросит вас перебиться как-нибудь без передовиц до выздоровления редактора.

Передовые по международным и внутренним вопросам пишутся особенным образом. Авторы, почти всегда главные редакторы газет, исходят из того, что читатель пребывает в четвертом классе средней школы и к тому же ходит в группу отстающих. То, что он постоянно читает их собственную газету, ровно ничего не значит. Каждое событие ему нужно разжевать. Автор с мельчайшими подробностями рассказывает о предмете, и вы узнаете все, кроме одного — а каково же мнение автора о нем? Оно затерялось в обилии фактов, как иголка в сене.

Покончив с передовой, вы переходите к проблемам спиритуализма, затем к национальному возрождению, сообщениям с полей, новым достижениям в области ме-

дицины и промышленности. Короче говоря, вся информация — на небольшом листе газетной бумаги.

Газеты помещают даже романы с продолжениями. Иногда в одном номере сталкиваются два романа. А самая популярная пенджабская газета «Акали» одновременно печатала три романа с продолжением! Диву даешься, романы они щелкают, как семечки. Но, между нами говоря, это не так уж трудно.

Берется третьесортный английский роман. Герои переходят в иную веру, получают новые имена. То же самое с географическими названиями. Отбрасываются «ненужные» детали, и читатель получает полуобглоданный скелет оригинала. Если там героев звали Джозеф Хастингс и Изабелла Джонс, а действие происходило в Ливерпуле, то в буржуазной пенджабской газете их зовут Джасвант Сингх, Шила Рани, а роман между ними разворачивается в Палуле. В общем читателю не дают привередничать, и, если герои вдруг заговорят на «кингс инглиш», — что же, редакционных фокусников это не смущает: в конце концов газета стоит гроши, естественно, шедевров на эту сумму не купишь.

Газеты помещают и стихи, в частности стихотворные переложения сенсационных новостей. В рифмованном изложении они еще более сенсационны.

Ежедневные газеты «Милап», «Пратап», «Аджит» и «Акали Патрика» всегда находят место для пикантных подробностей из личной жизни владельцев газет. Хозяева первых двух и двух последних живут между собой, как кошка с собакой. Солнце может сбиться с пути, но эти достопочтенные господа никогда не договорятся. Читатель узнает, что владелец одной газеты умудрился построить особняк. А его недоброжелатель тоже не дал маху и воздвиг новое здание редакции. Противные стороны вносят предложение в муниципалитет о создании комиссии для проверки фактов о законности финансирования строительства. Через несколько дней враги раскурят трубку мира и заруют топор в землю. Но не слишком глубоко. Пройдет время, и вражда между пенджабскими Монтекки и Капулетти разгорится с новой силой.

Третья и четвертая полосы отданы новостям. В основном новостям из провинций. Однако здесь можно найти и важные международные новости. После интересных первых полос, тщательно подготовленных редакцией,

Третья и четвертая могут показаться пресными. Поэтому предприимчивый редактор щедро одобрит их «захватывающими дух» сообщениями о бандитах, грабежах, убийствах и т. д.

Все четыре страницы не смогли избежать рекламы мыла, зубных щеток, краски для волос, растительных масел, «верного» средства восстановить утраченную молодость, домашних методов лечения. Тут же вы найдете рекламу пятилетнего плана, страховых компаний и железных дорог, судебные объявления, сообщения об аукционах и многое другое. Это не просто реклама и объявления. Это становой хребет газеты. Без рекламы, вернее без тех денег, которые она дает, газета скоростно умрет. Поэтому вполне естественно, что новое мыло, которое «само мылит», вызывает у владельца газеты больше энтузиазма, чем последние события.

Добывание объявлений требует от руководителей рекламных отделов газет высокой квалификации. Должность «мэнэджера по рекламе» следует непосредственно после поста владельца — главного редактора. Чем предприимчивее владелец или мэнэджер по рекламе, тем меньше действительно важных событий попадает на страницы газеты. Есть немало дельцов, для которых идеальная газета — это сто процентов зубных щеток плюс восстановление утраченной молодости.

Вечером редактор ежедневной пенджабской газеты «Дейли Аджит» Садху Сингх Хамдар устроил в ресторане встречу местных журналистов. Собрались двадцать девять мужчин и одна женщина. Нам сказали, что эта представительница прекрасного пола первая и пока единственная женщина-журналист в Джалландаре.

Если бы свести в единую подшивку все двадцать газет, представленных за этим столом, получился бы любопытнейший, пестрый фолиант. Резкие, порой убийственные взаимные нападки свидетельствуют о том, что редакторы — непримиримые враги. (Еще бы! Ведь за одним столом сидели представители различных политических партий). Но, конечно же, полемику они заперли в редакционных сейфах, а здесь все безмерно добродушно, обмениваются безобидными шутками, как старые друзья, встретившиеся после долгой разлуки.

Вот безупречно одетый Вирендра, редактор ежедневной газеты на урду «Пратап». На нем «пайджама чури-

дар», неправдоподобно узкие брюки, белая рубашка и сюртук. Вид у него довольного, преуспевающего человека. И, надо сказать, это действительно так. Вирендра принадлежит к одной из старейших состоятельнейших журналистских семей Пенджаба. Его отец Махаше Кришан лет сорок назад основал «Пратап». Теперь эта газета издается в Джалландаре и Дели. Вирендра — главный редактор джалландарского «Пратапа», а его брат Нарендра издает газету в Дели. Сам Кришан уже очень стар; как говорят пенджабцы, он сухое дерево на берегу реки, но по-прежнему деятелен, и его ежедневные передовицы — гвоздь газеты.

Джалландарский «Пратап» заигрывает с партией Индийский Национальный Конгресс. Тем более что сам Вирендра представляет эту партию в пенджабском Законодательном совете — верхней палате пенджабского парламента, которая частично назначается, а частично избирается косвенным голосованием.

В освещении международных событий делийское издание руководствуется заветами покойного Даллеса. Возможно, рано или поздно Даллес будет предан забвению в собственной стране и его «идеи» перестанут влиять на американскую политику. Но трудно сказать, откажется ли делийский «Пратап» от попытки перещеголять самого Даллеса.

Джалландарский «Пратап» занимает несколько более левую, если можно так сказать о правой газете, позицию. Может быть, благодаря влиянию Вирендры газета робко выступает за умеренное сотрудничество с СССР, продолжая твердо отстаивать нерушимую дружбу с США.

Вирендра рассказал, что во время Движения за независимость он одиннадцать раз сидел в тюрьме. Тюрьма была его университетом, жилищем, она воспитала его. В тюрьме Вирендра получил звание бакалавра и степень магистра. В те времена многие состоятельные молодые люди стремились во что бы то ни стало закончить образование, хотя бы и за решеткой. Были даже бизнесмены, которые продолжали руководить работой своих фирм из тюрьмы.

«Пратап» — не единственная газета, которая выходит в двух городах. «Индиан Экспресс», «Стейтсмен», «Таймс оф Индия», «Милап» и многие другие тоже из-

даются одновременно в разных местах. Причина отнюдь не в их популярности. Дело объясняется финансовыми соображениями. В Индии существуют подоходный налог, налог с оборота, налог на недвижимое имущество, налог на собственность и т. д. Все стараются платить как можно меньше, ссылаясь на убытки и откапывая всевозможные лазейки в законе. Некоторые процветающие газеты выпускают второе издание в другом городе, иногда даже убыточное, зато умудряются платить минимальный налог. Ведь в таком случае общий налог на газету раскладывается поровну на два издания независимо от тиража. А с бесприбыльного предприятия какой может быть подоходный налог? В результате круглая сумма оказывается в кармане владельца газет, а не в кармане министра финансов.

А теперь разрешите представить организатора нашей встречи Садху Сингх Хамдара, редактора «Дейли Аджит». Видите вон тот голубой тюрбан, коричневый в клетку пиджак и «пайджама кхаддар»? Это человек среднего возраста, с коротко подстриженной, подкрашенной редкой бородкой, коренастый и не очень бойкий на язык. Всю свою жизнь он работал в газетах, но в чужих. Однако в середине пятидесятых годов с помощью своего друга Дарбара Сингха, президента пенджабского Конгресса, Садху Сингх основал собственную газету. Он пустился в плавание по бурному морю конкуренции и до сих пор умудряется удерживаться на гребне волны.

Следующий за столом — Джагджит Сингх Ананд из ежедневной газеты «Наван Замана», органа Коммунистической партии в Пенджабе. Ему за тридцать. У него круглое, улыбающееся, бородатое лицо. Это прирожденный журналист: острый ум, реакция боксера и язвительное перо. Журналистика — лишь одно из его занятий. Ананд — политический руководитель, активист Центрального союза писателей Пенджаба, работает в пенджабском Совете мира, занимается переводами на язык пенджаби. Сейчас он закончил работу над «Поднятой целиной» Шолохова. Неоднократно бывал в Советском Союзе.

А вот пустой стул и нетронутая чашка остывшего чая. Возможно, здесь должен был сидеть мистер Яш, редактор ежедневной газеты на урду «Милап», которая кроме Джалландара выходит еще в двух городах — Дели и

Хайдарабаде. «Милап» — одна из самых популярных газет Северной Индии, выходящих на местном языке. Мистер Яш не смог быть на вечере, потому что не так давно он был назначен заместителем министра образования штата и обычно живет в Чандигархе. Его газета безоговорочно поддерживает все прогрессивные мероприятия правительства Индии. «Милап» высоко оценивает дружественную помощь Советского Союза Индии, выдающуюся роль Советской страны в борьбе за мир; резко критикует политику США в Азии.

Никто не скучал на этом вечере. Высказывались самые различные взгляды. Кажется, все остались при своих убеждениях, никто не перешел в иную веру. Однако каждый участник вечера, будь он в голубом тюрбане или без оного, в узких или широких брюках, не сомневался в главном — нужен прочный мир на земле. Эта истина не требовала доказательств.

Если говорить языком дипломатических коммюнике, наша встреча с джалландарскими журналистами «прошла в дружественной и сердечной обстановке».

•

НЕМНОГО О МУЗЫКЕ

Музыкальные фестивали устраивают ежегодно в последнюю неделю декабря. Они посвящены Хар Бхалба — святому и певцу, жившему примерно сто лет назад. Фестивали давно стали традицией. Сюда съезжаются лучшие исполнители вокальной и инструментальной классической музыки Хиндустана.

Обычно фестиваль проходит не в концертном зале. Под открытым небом раскидывается огромная «шамияна». Отовсюду несут стулья и ставят рядами. Цены за места — в соответствии с обычными правилами. Воздвигается эстрада, покрытая ковром.

Концерт начинается в девять вечера и продолжается до первых петухов. Но и утром музыканты и слушатели расходятся неохотно. У такого концерта своя, особая программа. Обычно лучший исполнитель завершает вечер или, вернее, встречает зарю. Он сам себе устанавливает регламент, играет, пока чувствует власть над слушателями.

Итак, вы зашли в шамияну, оглядели ряды зрителей и отправились выпить чашку чаю перед ночным бдением. Вы возвращаетесь и видите, что в «зале» произошла передислокация зрителей. А если вы повторите свою чашку чаю, то застанете потом еще более разительную перемену. Вначале были переполнены самые задние ряды. Теперь они пустуют, а зрители перебрались поближе. Когда начинают выступать популярные музыканты, «перекати-зрители» все ближе подбираются к эстраде.

Какая дирижерская палочка приводит в движение зрителей? Объяснение простое: очарование музыки и желание быть поближе к любимому артисту. Как правило, это желание обратно пропорционально содержимому

кошелька. К счастью заднескамеечников, в публике всегда есть меценаты, которые любовь к музыке измеряют шириной кармана. Они покупают самые дорогие билеты. Но ведь билет в концерт — это еще не билет в искусство. И меценаты жестоко страдают. На своих лучших местах они начинают скучать, клевать носом и, не дождавшись полуночи, выскальзывают из «зала», ищут шофера и отбывают домой.

Тем временем истинные любители из арьергарда переходят в авангард. Только тогда по-настоящему и начинается музыкальный фестиваль. Музыканты поют и играют без нот. Вообще у индийцев ноты существуют, но во время исполнения они остаются, так сказать, за кулисами. Индийская музыка построена на импровизации. Есть несколько определенных законов для каждой из бесчисленных мелодий. Но музыкант ничем не связан в своей интерпретации. В разное время один и тот же исполнитель по-разному трактует одну и ту же мелодию. Два музыканта — еще больше вариантов.

Индийский музыкант способен петь и играть часами, не уставая и не надоедая слушателям. Они привыкли к «риазам» (упражнениям), которые нередко длятся по четырнадцати часов в сутки. Нормальным считается «риаз», продолжающийся от четырех до шести часов.

На музыкальных фестивалях обстановка простая и приятная. Музыканты не чувствуют скованности. Часто музыкант останавливается и начинает не спеша настраивать инструмент. Никто не удивится, если певец в самый ответственный момент решит откашляться. Слушатели не протестуют.

Для каждого времени суток свои мелодии. Мелодии заключают в себе всевозможные настроения Человека и Природы. Веселье и грусть, радость свидания и печаль разлуки звучат в голосе певца и в переборе струн.

ПАМЯТНИК ГЕРОЯМ

Дорога звала нас вперед. Но кто-то из друзей посоветовал посмотреть место будущего памятника героям из партии Гадар, которые в 1914—1915 гг. пытались свергнуть британское господство в Индии и пали жертвами в борьбе.

Большой участок земли, окруженный низкой стеной... Внутри полуразвалившееся заброшенное здание. Но не побывать здесь — то же самое, что в Амритсаре проехать мимо пропитанной кровью Джалианвала Багх.

В багряных лучах заходящего солнца все окружавшее нас казалось иллюстрацией к древней эпической поэме. Мы сидели на голой земле, лишь кое-где торчали пучки засохшей травы, и слушали рассказ местного жителя. Он говорил о революционерах, в память о которых здесь построят библиотеку, художественную галерею и театр. Рассказ захватил нас...

Было это в конце XIX — начале XX в. За долгие десятилетия хозяйничанья английских колонизаторов в Пенджабе экономика страны пришла в упадок. Ремесленное производство было разорено. Росли налоги с крестьян. Голод и горе свили гнездо в сельских хижинах. Крестьяне стали покидать центральные районы Пенджаба. Через Бирму, Малайю, Сингапур, Китай и Филиппины они перебирались в Америку, «землю обетованную». До первой мировой войны там поселилось пятнадцать тысяч пенджабцев, в основном сикхов. Они жили и работали врозь, квалификация у них была низкая и заработки ничтожные. Индийцы и другие выходцы из Азии подвергались расовой дискриминации. В театрах, парках и поездах красовались объявления: «Цветным и собакам вход воспрещен». Американец не садил-

ся за один стол с индийцем. Индийцев спрашивали: «Сколько вас там в Индии? Триста миллионов? И это не считая скотины?»

Сикхи-бедняки селились главным образом в Калифорнии, Орегоне и Вашингтоне. Только немногие, например Джавала Сингх, Басакха Сингх, Сантокх Сингх и Сохан Сингх Бхакна, были состоятельными, но и они не забывали о поращенной родине.

13 марта 1913 г. Баба Сохан Сингх Бхакна созвал первую сходку индийцев-эмигрантов. За ней последовал многолюдный митинг в ноябре 1913 г. в Сан-Франциско. Было решено учредить в США Индийскую ассоциацию и выпускать газету под названием «Гадар» («Восстание») на языках урду, хинди, маратхи и пенджаби.

Ассоциация стремилась подготовить восстание в Индии и, свергнув колониальный режим, создать национальную демократию, основанную на свободе, равенстве и активной помощи пораженным народам. По названию газеты и ассоциацию стали называть «партия Гадар» («партия Восстания»). В первый же год существования Гадар в партию вступило несколько тысяч индийцев. Ее организации существовали в странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии. Во время первой мировой войны партия призвала индийцев, живших за границей, вернуться на родину и бороться за свержение английского господства. С трудом заработанные деньги шли на оружие. Люди возвращались на родину.

Несмотря на все препоны, воздвигнутые колонизаторами, в Индию сумели вернуться несколько тысяч патриотов, которые начали революционную борьбу. Агитационная работа в армии была поручена девятнадцатилетнему студенту Картар Сингх Сарабхе. Это был человек удивительной храбрости, умевший находить выход из любых обстоятельств. Проникая в офицерской форме в расположение воинских частей, он создал партийные группы почти во всех армейских соединениях от Банну на северо-западной границе до Калькутты.

Подготовка к восстанию развернулась в начале декабря. Центром ее стал Лахор. Были заготовлены униформа и четырехцветный флаг, оборудованы мастерские, производившие бомбы, начались нападения на правительственные банки и арсеналы. Восстание было назначено на 21 февраля 1915 г.

Однако восстание потерпело поражение, не успев начаться. Английский агент Кирпал Сингх раскрыл своим хозяевам планы повстанцев. Вечером 18 и утром 19 февраля английские войска стали стягиваться в города Пенджаба. Партия Гадар решила опередить события и нанести удар 19-го. Но было уже поздно.

Начались аресты. Сарабхе посоветовали бежать из Индии, но он отказался. «Разве я могу думать о побеге, когда мои товарищи за решеткой?» — сказал бесстрашный боец.

Арестованных революционеров перевезли в Лахор. Начался процесс. Прокурор был полновластным хозяином в суде. Когда Джавала Сингх выразил протест против открытого натаскивания свидетелей, ему дали тридцать розог. Руководители повстанцев понимали, что судебное представление имело единственной целью доказать «любовь» английских колонизаторов к правосудию.

Наконец подсудимым предоставили возможность высказаться в свою защиту. От их имени выступил Сарабха. Он сказал: «...обвинение фальшивое. Мы не заговорщики. Мы поднялись против силы, поработившей нашу родину, и мы гордимся этим...»

Судей поразила его смелость. Один из них спросил:

— Ты знаешь, что тебя ждет?

— Знаю — смерть, — ответил Сарабха. — Но я не совершил никакого преступления. Раб имеет право с оружием в руках добиваться свободы.

13 сентября судебный процесс был завершен: двадцать четыре революционера были приговорены к смертной казни, двадцать шесть — к пожизненной ссылке. (Их сослали на «черные воды» — Андаманские острова в Бенгальском заливе — место заключения самых опасных преступников.) Шестерых приговорили к различным срокам тюремного заключения, остальных выпустили, но у ворот тюрьмы снова арестовали.

В день казни Сарабхе разрешили подать прошение о помиловании. Он ответил: «Если бы у меня было две жизни, я обе отдал бы своей родине».

Когда Сохан Лал шел на казнь, ему сказали, что еще есть время, он сможет покаяться и сохранить жизнь. Сохан Лал улыбнулся и спокойно сказал: «Вы совершаете злодейство, и вы, а не я, должны каяться».

В 1938—1939 гг. «бунтовщиков» выпустили на сво-

боду. К этому времени все они превратились в изможденных, больных стариков. Но они не искали спокойствия, их дух сломить не удалось. Они снова включились в освободительное движение. Времена изменились. Набирала силу Коммунистическая партия Индии. Россия успешно строила социализм. Многие ветераны восстания встали под красные знамена.

Один из лидеров партии Гадар, Басакха Сингх, создал Ассоциацию помощи нуждающимся семьям патриотов. После освобождения страны ассоциация превратилась в Мемориальный комитет. Этот комитет и решил соорудить памятник в Джалландаре.

Сгущались сумерки, опустилась ночь. Над нами был звездный шатер, светил молодой месяц. Воздух дышал прохладой. Даршан Сингх поднял комок земли, растер его в руках. Священна земля, которая рождает золотые колосья пшеницы, ароматный рис басмати и белый как снег хлопок. Священна земля, давшая патриотов Бхагат Сингха, Картар Сингх Сарабху, Удхам Сингха и всю славную когорту партии Гадар.

ЧАНДИГАРХ — СТОЛИЦА ПЕНДЖАБА

Стояла ночь. Там, где полагалось быть горизонту, виднелись гирлянды огней, похожих на застывших светлячков. Над ними угадывались темные силуэты громадных гор, отрогов Гималаев. Словно с гигантской катушки без конца разматывалась лента дороги. Машина настигала убегавшие огоньки, и наконец Гурбакш Сингх торжественно и лаконично объявил: «Чандигарх—столица Пенджаба».

Город спал. Было очень тихо. Погасли огни, все вокруг растворилось в туманной мгле. Мы «на ощупь» подъехали к гостинице «Маунт вью» и вскоре присоединились к спавшим чандигархцам.

В самый разгар наших восторженных сновидений на гостиницу с шипением и воем обрушился ветер. Здание затряслось, двери и окна захлопали. Естественно, мы с непривычки проснулись. Через каждые пятнадцать минут ветер с точностью метронома начинался снова. Только к началу дня он допел свою лютую песню, и лихорадка, нещадно трепавшая нас всю ночь, кончилась.

Ветер стих, чтобы уступить место солнцу.

Бессонница, тем более бессонница неожиданная, принадлежит к весьма стойким раздражителям. Однако не думайте, что наше описание Чандигарха вызвано желанием отомстить за испорченный отдых.

Мы вышли на балкон. Неужели это Чандигарх, восточный город? Перед гостиницей расстилалась окаймленная горами долина. С одной стороны долины высились многоэтажные безликие здания, а с другой — дома какой-то странной архитектуры. В глаза бросались четкие квадраты земли — районы будущей застройки. Пейзаж выглядел фантастически, во всяком случае совершенно

не по-индийски: почва казалась неподходящей для подобной «растительности». Как будто Аладии пустил в ход свою позеленевшую от времени лампу, и вот из далекой и неведомой страны сюда прилетел необыкновенный город. Мы забыли про бессонницу и пошли выяснять подробности.

Чандigarх — самый молодой город штата. Не так давно здесь была жалкая деревенька, затерявшаяся среди холмов и горных потоков. Единственной запоминающейся приметой ее был белый купол храма богини Чанди, забравшегося на невысокую вершину. В начале 1948 г. было принято решение превратить деревню, состоявшую из глинобитных домишек, в самый современный город Индии.

Как известно, после раздела в индийской части Пенджаба осталось лишь тринадцать районов из двадцати девяти. Не стало столицы: Лахор, историческая резиденция правителей Пенджаба, отошел к Пакистану. Вначале правительственные учреждения перевели в горный курорт Симлу. Но зимой там слишком холодно, к тому же город расположен далеко от плодородных равнин штата, а какую-то часть года вообще отрезан снежными заносами от всего мира. Симла не «потянула» на звание первого города Пенджаба. Наконец выбрали вот это место на дороге Амбала — Калка, в 150 милях к северу от Дели. Город еще не достроен, и по-прежнему специальный министр руководит его строительством. Правительство штата уделяет этому большое внимание, особо поощряя частных застройщиков. Но основные контуры столицы уже отчетливо просматриваются даже невооруженным архитектурными планами глазом. Сюда переведены правительственные учреждения Пенджаба и Пенджабский университет.

Планировка города, названного именем богини могущества, процветания и торговли, была поручена целому созвездию крупных градостроителей во главе со знаменитым Корбюзье. Полет мысли архитектора был беспределен. Пожалуй, впервые за всю его феерическую карьеру он позволил своей фантазии полностью воплотиться в жизнь.

А каково мнение простых пенджабцев об их новенькой столице? Представьте, что где-то в глубинном районе Полтавской области появился диковинный огромный,

Атомиум с Брюссельской выставки и полтавчанам сказали, что отныне здесь будет столица их области. Наверняка полтавчанин скептически отнесся бы к такой идее. Точно так же пенджабцы относятся к Чандигарху.

Для Корбюзье Чандигарх — законченный и совершенный город, более того, — прообраз будущего. В Чандигархе — кульминация всех поисков архитектора, воплощение его извечной погони за недостижимым идеалом.

Корбюзье распланировал Чандигарх, как живой организм. Важнейшие части этого организма — capitoлий, городской центр, университет, зона культуры и «долина отдыха». Они все связаны между собой артериями-магистральями, пригодными для любого вида транспорта и пешеходов. Впрочем, чтобы ходить по Чандигарху пешком, нужно быть выносливым человеком — расстояния там измеряются многими милями.

Капитолий занимает площадь в 250 акров. Весь комплекс состоит из секретариата, верховного суда, резиденции губернатора и палат ассамблеи. Обычно в Индии правительственные учреждения расположены в центре города. Но Корбюзье решил по-другому: он поместил их у северной черты города, в стороне от шума и суеты.

Секретариат представляет собой массивное восьмиэтажное строение, отличающееся, если так можно сказать, резкими, броскими конструкциями. На крыше здания цветочные клумбы. В рекламных фотоальбомчиках это так и называют: «сад на крыше». Здание удивительно напоминает грозную средневековую крепость с узкими бойницами, мощными стенами, надежными башнями и высокими башнями.

Здание верховного суда вдвое ниже. Крыша «царит» на колоннах над стенами, поднявшись над ними на 26 футов. Это тоже громадное здание, достаточно устрашающее, чтобы соответствовать своему назначению. Когдаходишь в вестибюль суда, кажется, что назад пути не будет.

Мы побывали в одном из залов этого вместилища правосудия — аккуратном, чистом, просторном. Скамья подсудимых, места для свидетелей, кресла судей и ряды стульев для адвокатов и посетителей — ничего оригинального. Но кое-что показалось необычным. Во-первых,

очень высокий потолок, растворявшийся в холодном сумраке. Затем — огромный гобелен, целиком скрывающий противоположную стену. Нам обоим приходилось видеть замечательные индийские, персидские, турецкие ковры, великолепные работы таджикских, узбекских и азербайджанских ковровщиков. Но гобелен чандигархского суда трудно с чем-нибудь сравнить. Огромное полотно сияло огненными солнцами, оно устрашало извивающимися змеями, искаженными лицами, рождало поразительные сочетания геометрических фигур всех радужных цветов. Хорошенько поломав голову над замысловатым ребусом, в дальнем углу ковра удается различить туманные очертания весов Фемиды. Присутствие на гобелене этого инструмента богини, видимо, имеет целью убедить колеблющихся в том, что полотно, созданное в худших традициях разнообразных «измов», должно висеть именно здесь, а не в музее современного искусства.

Но гобелен не сразил нас наповал. Мы явно принадлежали к числу колеблющихся. Ни символические весы, ни местный юрист, любезно согласившийся быть гидом, не убедили нас. Мы начали игру в догадки.

— Может быть, это — напоминание судье: распутай тугой клубок преступлений, дабы истина воссияла?

— А может быть, защитнику — запутай судью?

— Или этот узор призван сломить сопротивление преступника и заставить его признаться в преступлении совершенном или несовершенном? Или сбить с толку свидетеля, вызубрившего свои показания?

Но довольно о суде и судебной «живописи». Перейдем к дорогам. Строители поставили себе задачу — отделить быстрый транспорт от медленного. Сетка широких автострад, разделяющих город на тридцать секторов, великолепно отвечает этой цели. Эти дороги «не угрожают» главным жилым районам. В каждом секторе люди наслаждаются тишиной и спокойствием.

Сектор представляет собой модернистский вариант индийской деревни, площадью половина на три четверти мили, с населением от двух до четырех тысяч человек. Здесь есть большой торговый центр, почта, кино и т. п. И все под рукой. Можно жить, не выходя за границы сектора.

При знакомстве, как правило, вместе с именем называется номер сектора, в котором вы живете. И сразу ясно, кто вы и что вы, сколько презренного металла у вас за душой и стоит ли вообще здороваться с вами в следующий раз. Архитекторы не только разделили потоки транспорта, они распределили по разным секторам богатых, бедных и совсем бедных, чтоб не докучали друг другу. В Чандигархе говорят, что, если адрес неизвестен, не надо беспокоиться: сообщите рикше-велосипедисту примерную заработную плату того, к кому вы едете, — и все в порядке.

Жители города с азартом играют в «номераки секторов». Даже юные чандигархцы не остаются в стороне. Однажды местная преподавательница делала выговор своему ученику за скверную учебу и поведение. Нарушитель жил в «богатом» секторе. И, конечно, учительница знала это. Ученик слушал, слушал, а потом ехидно спросил: «Мэм, а в каком секторе вы живете?» Бедная учительница закусил губу и замолчала.

В секторах под номерами 22 и 23, например, живет беднейшее население. В секторе № 1 обитают министры и их заместители. Сектор № 2 отдан членам законодательной ассамблеи и совета. Сектор № 3 славится ведущими отделами министерств, судьями верховного суда и адвокатами. Сектор № 16 соответствует месячному доходу в 500 рупий — довольно высокая ступенька на социальной лестнице.

На некоторых улицах Чандигарха мы чувствовали себя, как в съемочных павильонах голливудских киностудий. Фасады домов ярких кричащих тонов, в них «вырублены» большие четырехугольники, прямоугольники, квадраты и просто зигзаги. Они способны заинтриговать даже человека, который как будто уже утратил всякий интерес к чему бы то ни было в этом мире. Однако оказывается, что эти геометрические фигуры имеют свой рациональный смысл. Они предназначены для борьбы с солнцем, которое наряду с горячим воздухом, дождями и наводнениями стояло на пути архитекторов. Мы так и не узнали, насколько оправдала себя эта массовая домовая хирургическая операция.

Улицы в Чандигархе отличаются одна от другой не только и не столько названиями, сколько палитрой цветущих деревьев — и кустарников. Такого разнообразия

растительности не найдешь, пожалуй, ни в каком другом городе Индии.

Каждый камень, каждый куст в Чандигархе знает свое место. Город расположен на огромной открытой площадке; в нем дышится полной грудью, люди и здания не толкают друг друга.

В Чандигархе каждая квартира, будь то в секторе № 13 или № 1, имеет максимальные удобства, что совершенно несбыточно в подавляющем большинстве районов любого старого города страны.

В секторе № 1 нас пригласил на беседу Сардар Пра-тап Сингх Кайрон, главный министр Пенджаба. Министр жил в элегантном одноэтажном здании с разбитым перед ним садом. В доме просторные, со вкусом обставленные комнаты, деловитость без суеты. Простая одежда министра, сшитая из домотканого материала, небрежно завязанный ненакрахмаленный тюрбан, длинная волнистая борода, простая манера речи легко могут ввести в заблуждение. На первый взгляд он выглядел как зажиточный крестьянин, а не главный министр одного из штатов Индии.

Пра-тап Сингх Кайрону было тогда шестьдесят лет. Он родился в деревне Кайрон в Амритсарском районе. Его отец Нихал Сингх, богатый крестьянин, понимал, как важно дать образование сыну. Кайрон девять лет учился в Соединенных Штатах, где получил степень магистра экономики и политических наук. Работал он и на заводе Форда.

На политической арене Пенджаба Кайрон появился в начале тридцатых годов; он был тогда членом партии Акали. Впоследствии Кайрон вступил в Национальный Конгресс. Но до конца своих дней он не изменял крестьянской натуре, со всеми ее достоинствами и недостатками, помноженными на опыт государственного деятеля конгрессиста. Он не давал спуска противникам. В его характере привлекало любопытное сочетание резкости и деликатности, предупредительности и жестокости, наивности и хитрости.

Учитывая дружеские чувства простых индийцев к Советскому Союзу, — а в Пенджабе это заметно буквально на каждом шагу, — Кайрон много читал о Советском Союзе. Особенно активно он интересовался сельским хозяйством. В беседе с нами Кайрон сказал: «Что-

бы лучше узнать друг друга, я предлагаю следующее. Пусть группа советских колхозников придет в Пенджаб и поживет месяца два в пенджабской деревне. Они будут жить вместе с нами, есть то, что едим мы, и вместе с нами работать. А делегация пенджабских крестьян пусть поедет в Советский Союз и поживет в колхозе. Ведь что такое дружба? Это прежде всего искренний и откровенный обмен опытом с пользой и выгодой для обеих сторон».

САДЫ ПАНДЖОР

Утром мы решили отправиться в сады Панджор, которые раскинулись на склоне холма в десяти милях от Чандигарха. Эти сады с их роскошной растительностью — великолепный памятник эпохи Моголов. Падишахи, потомки Бабура, родоначальника династии, любили сень деревьев и ниспадающие потоки воды; они разбили немало прекрасных садов, в том числе в Сринагаре и Лахоре. Обычно сады такого типа располагаются на семи террасах-ступеньках. Поток воды, разделяющий сад на две половины, низвергается вниз журчащими прозрачными каскадами.

Через огромные ворота гуляющие попадают на первую террасу. Там резвятся фонтаны, радуют глаз празднично наряженные клумбы и лужайки, а озорные каскады воды стремятся поскорее пересчитать все пять ступенек-террас. Да, их пять, а не семь, как обычно. Деревья миролюбиво шелестят листвой, покачиваются цветы, щебечут птицы. Вдали виднеется цепочка голубоватых холмов.

Собственно, Панджор был создан значительно раньше, чем его хозяевами стали Моголы. Теперешняя планировка Панджора — заслуга Фидай Хана, губернатора Аурангзеба в Лахоре, который устроил здесь свою летнюю резиденцию. Но Панджор упоминается еще в Махабхарате. Легенда гласит, что Юдхистхира, старший из Пандавов, искал здесь забвения и покоя. В период господства англичан, которые лихорадочно строили железные дороги, чтобы побыстрее вывезти богатства страны, сады Панджора лежали в развалинах. Так было до тех пор, пока они не достались Махарадже Патталы. После присоединения штата Пепсу к Пенджабу

сады стали собственностью народа. Теперь это излюбленное место для прогулок и пикников.

На первой террасе возвышается двухэтажное здание с куполами и башнями могольской архитектуры. Это санаторий. Он так и называется: «для сильных мира сего». Комнаты роскошно обставлены, ковры на полу, мебель красного дерева, люстры и картины. Такие дома отдыха есть во всех крупных городах Пенджаба, да и в других районах страны. Они все весьма комфортабельны, во всяком случае комфортабельней гостиницы в Чандигархе.

Соблазн был велик, и мы решили попытаться попасть в Панджор, хотя бы на денек. Поговорили с администратором гостиницы, который с энтузиазмом воспринял эту идею. Он заверил, что голодать нам не придется. Мы предвкушали ночь под звездным небом, соловьиные трели и прочие невинные радости, о которых рассказывается в волшебных восточных сказках.

Но надежды оказались напрасными. Бенюх, которого грызла какая-то тайная мысль, вкрадчиво спросил администратора:

— Скажите, а есть у вас здесь эти маленькие, симпатичные кобрычки?

— Есть немного, — бодро ответил администратор. — Они появляются время от времени, но бояться их не стоит.

Даршан Сингх добавил:

— Кобры здесь ученые, они прекрасно знакомы с протоколом и никогда не обидят иностранца.

Теперь не на шутку разнервничался Гурбакш Сингх.

Решение провести ночь на лоне природы отпало само собой.

На обратном пути мы свернули на дорогу, которая ведет к Чанди Мандир — святилищу богини, именем которой названа столица Пенджаба. Выбравшись из лабиринта тонг, повозок, велосипедов, машина остановилась у большого дерева. Мы вышли и присоединились к бесконечному потоку пилигримов. На возвышении помещалось святилище богини. Было время «арти» — главной церемонии, и паломники могли лицезреть богиню Чанди.

Мы поднялись по высоким плитам-ступеням и очутились в скромном здании, которое опоясывала крытая

«тропа странников». С потолка свисали огромные колокола. Священники с длинными волнистыми бородами и жирными полосами оранжевой краски поперек лбов готовились к церемонии. Но богини не было видно. Ее жилище было совершенно скрыто от глаз, если не считать закрытой двери в глубине и маленького окошка.

Раздались удары гонга. Священник зазвонил в колокола, висевшие над окном. Это была музыка, сопровождающая «арти». Главный священник принес «тхали» — большое глубокое медное блюдо, в котором горела лампада. Он открыл окно и принялся нараспев читать мантры (молитвы), делая при этом вращательные движения блюдом. Дым от горящего ладана сплетался в причудливые кружева. Паломники опустили на колени, пытаясь хоть на мгновение увидеть богиню через узкую щелку приоткрывшейся двери. Мы тоже стали в очередь. Подойдя к двери, мы наклонились вперед и напрягли зрение. До сих пор не знаем точно, удалось ли нам заглянуть в сверкающие очи богини. Но долго смотреть не пришлось, ибо законы очереди суровы. А это была очередь за отпущением грехов.

ПОЕМ СТИХИ!

Вечером нас пригласили на «кави дарбар» — встречу поэтов. Такие собрания регулярно происходят в Северной Индии; на них любимцы муз часами декламируют свои стихи. Сикхи с детства познают прелесть поэзии. Во время Гур Пураб, праздника в честь сикхских гуру, собирается обширная аудитория. Программу всегда завершает «кави дарбар», в котором участвуют ведущие поэты штата. Однажды на таком празднике Даршан Сингх прочитал свои стихи о гуру Нанаке. Тогда он еще не носил тюрбана, ему было всего десять лет, и он получил в награду молитвенник. Так что и он и Гурбакш Сингх заранее знали, что их ждет. Бенюх же пошел на эту поэтическую встречу с нескрываемым интересом первооткрывателя.

Правда, и раньше в Дели он имел возможность познакомиться с индийской поэзией. Это была «мушаара», «кави дарбар» на языке урду, организованная Делийским отделением возрожденной Всеиндийской ассоциации прогрессивных писателей. Тогда в мушааре участвовали такие крупные поэты, как Фирак Горакхпури, Али Сардар Джафри и Маджрух Султанпури. Но все закончилось быстро, аудитория была избранная, а обстановка неофициальная.

На этот раз все выглядело совершенно иначе. Большой зал был покрыт хлопчатобумажными коврами, взятыми напрокат. В дальнем углу оборудована небольшая сцена, задрапированная белыми полотнищами. Прямо на сцене сидели поэты. Там же и председатель, но уже на стуле. Председатель, своего рода подрядчик, вкладывает в мероприятие определенную сумму, и ему совсем не обязательно знать разницу между стихотвор-

ными размерами. Рядом с председателем — секретарь, играющий роль конферансье.

Перед сценой собралась огромная толпа — мужчины, женщины, дети. Зрители сидели на земле. В небе висела тоскующая, бледная, как спелый хлопок, луна и, словно нарочно, ярко сияли звезды — вдохновляли поэтов.

Как выяснилось, «кави дарбар», на который мы попали, был организован с целью рекламы: он должен был доказать присутствующим, сколь полезно для души и тела делать небольшие денежные сбережения. Поэзия не имеет ничего общего с этой мудрой привычкой экономии. Но в Индии вообще и в Пенджабе в частности Пегаса впрягают в самые неожиданные телеги. Проходят выборы в законодательную ассамблею штата, или парламент, или даже в муниципальный комитет; в них участвуют поэты, воспевая достоинства различных кандидатов (за плату, по определенному тарифу, разумеется). Часто один и тот же поэт славит конкурирующих кандидатов. Что доходчивее, политические мадригалы или сухие лозунги? Об этом надо спросить у избирателей.

Поэтические вечера преследуют и иные цели. Скажем, проводится массовое собрание. Ожидают некую важную персону с докладом. Чем важнее персона, тем дольше она задерживается. Но простой люд не важничает и не чинится, он приходит задолго и усаживается на корточках в ожидании оратора. Как удержать людей до приезда «гостя»? Приглашают поэтов, которые занимают публику, ожидающую выступление, которое, кстати, часто оказывается длинным и непонятным.

«Поэзия — лучшая реклама!» Так полагают и владельцы залежалых товаров. Нередко группы певцов, пробираясь по многолюдным улицам, под аккомпанемент дхолака — народного барабана хриплыми голосами на мотивы из новейших популярных фильмов воспевают в сомнительных виршах дешевые сигареты или что-нибудь в этом роде.

Коммерческое радио Цейлона через каждые пять минут прерывает передачу музыки из индийских кинофильмов, чтобы протолкнуть куплеты, воспевающие чудодейственный бальзам или ланолиновый бриолин, единственный и неповторимый на свете. То ли поэзия действительно находит тайные лазейки в душе человеческой, то ли

в чудодейственную силу стихов слепо верят изобретатели бальзамов — неизвестно. Зато известно, что даже правительство содержит рифмоплетов, которые в поэтическом переложении сообщают народу экономические планы.

Но вернемся на наш «кави дарбар». Прозвучала вступительная речь, и председателя представили публике. Началась декламация. Каждый поэт разрабатывал свою тему. Но все пользовались общим рефреном. Устроители «кави дарбара» обычно заранее определяют первую стихотворную строку. Рефрен называется «мисра-и тарах» и служит девизом собрания. Поэтов подобное ограничение (как они сами это называют, «попытка частичной регламентации») нисколько не смущает. Один даже сообщил нам, что стихотворение, которое он собирался прочитать, было написано прямо здесь, на сцене, пока он стоял в поэтической очереди.

Поэты были зрелыми мастерами своего дела. Они не давали публике ни отдыха, ни срока и даже, переходя на прозу, радовали аудиторию. Об истинном качестве стихов не нам судить. Что касается декламации, она была на высоте. Политическим лидерам и молодым лекторам, представителям публицистических жанров, есть чему поучиться у поэтов в нелегком искусстве прямого воздействия на массы.

Правда, не все пенджабские поэты владеют этим даром. Здешних служителей муз можно было бы подразделить на две категории. К первой принадлежат поэты «сцены», ко второй — «книжные» поэты. Редко встретишь книжку стихов, написанную поэтом «эстрадным». Печатный станок вселяет в него ужас. А «книжные» поэты в свою очередь боятся сцены. Предположим, Пиара Сингх Сахраи попросят выступить на поэтическом симпозиуме. С несчастным видом он скажет, что его стихи приятней читать, чем слушать. Поэт признался нам как-то, что, когда он взбирается на сцену, ему хочется не читать стихи, а извиняться за них...

Закончился первый раунд декламаций. Поэты выполнили норму, призывая зрителей к разумной экономии средств. Аудитория уже прониклась сознанием того, что в первый день месяца, т. е. в день заработной платы, можно приступить к внедрению в практику поэтических увещаний.

Начался второй круг. Теперь поэты могли поработать для души. Кто-то начал уже поэму о женщине, которая так обрадовалась свадьбе своего родственника, что решила танцевать до упаду. Другой поэт воспел девочку с двумя косичками и в узком платье. Третий ярко описал печаль разлуки, а четвертый, наоборот, радость встречи и единения. Стихи становились все более «живиальными». Второй раунд растворил рекламный осадок, оставленный первым. Поэты, предав радостному забвению режим похвальной экономии, звали соотечественников наслаждаться жизнью, вероятно, все на те же скромные сбережения.

Некоторые поэты декламировали с таким видом, будто читали деловую лекцию. Другие казались опытными трагическими артистами. Третьи просто старались не сбиться с ритма. Были и такие, что произносили стихи громко и нараспев, уподобляясь продавцам-лоточникам на железнодорожных станциях.

Почетный стихотворец с белой бородкой приступил к поэме о вдовах, вновь вступающих на тернистый путь замужества... Было уже за полночь. Поэты сохраняли отличную творческую форму, а слушатели, хотя и были уже пропитаны стихами до мозга костей, только-только входили во вкус. За исключением одного из авторов этой книги. Дело не в том даже, что на протяжении нескольких часов он все слышал, но ничего не понимал. Ритм и музыка стихов компенсировали незнание языка. Но что могло «компенсировать» вконец онемевшие ноги? Ведь сидение на корточках — тоже наука, а Бенюх был в ней новичок.

— Как ты думаешь, Даршан Сингх, — прошептал он, — не хватит ли с нас? Нас ждут более серьезные дела.

Даршан Сингх на редкость внимательно следил за судьбой многочисленных вдов. Однако он был хорошим другом и верным соавтором. Он поднял недовольного Гурбакш Сингха и пошел за Бенюхом, который уже пробирался сквозь толпу.

ЛЕКЦИЯ В АМБАЛЕ

В ушах наших еще звучали разнообразные поэтические призывы, когда мы вернулись в отель. Хотелось насладиться тишиной. Однако украинец поступил иначе. Открыв чемодан, он извлек из него бумагу, густо испсанную ужасным почерком.

— Неужели бацилла поэзии поразила и тебя? — со страхом спросил Даршан. — Ты хочешь соревноваться с йогами в выносливости и написать об этом поэму?

— Не совсем так, — ответил Бенюх. — Я думаю сейчас о народе, который из мрака поднялся к солнцу. От невежества к спутникам. Это мои записки о советской молодежи. Ведь завтра мне читать об этом лекцию в Амбальском колледже. Разве ты забыл? Я хочу подготовиться. И ты будешь первым моим слушателем.

Мелкие струи красноречия сливались в ручейки, пенджабец вздохнул, понял, что заснуть не удастся и придется слушать...

О ребятах, которым на роду было написано стать преступниками и беспризорниками, но которые стали пионерами...

О «Педагогической поэме»...

О Павке Корчагине, читающем в депо про Джузеппе Гарибальди...

О винтовках и книгах...

О краях и дымящихся трубах...

О Зое Космодемьянской и молодотвардейцах...

И наконец, о спутниках, лунниках, космических кораблях — этапах большого пути страны, народа, молодежи...

С первыми лучами солнца мы отправились в Амбалу. По обеим сторонам дороги вздымались волны спе-

лой пшеницы. Изредка навстречу попадались крестьянки: кувшины кислого молока и корзины с чапати непостижимым образом держались у них на головах. Они спешили накормить завтраком мужей и братьев. Дорога была почти пустынная, и Гурбакш Сингх прибавил скорость. Через полчаса мы въехали в Амбалу, а несколькими минутами позже уже были в Амбале второй.

Почему две Амбалы? Вторая Амбала — это военный городок. Здесь расположены казармы и офицерские дома. Есть свой рынок, кинотеатры и рестораны. Это «аристократический сеттльмент», Амбала для избранных, в отличие от Амбалы гражданской. В Пенджабе, да и во всей Индии, часто встречаются города-близнецы. Есть два Джалландара, два Амритсара. Такие города-близнецы — наследство англичан, которые стремились возвести стену между армией и народом.

Гурбакш Сингх остановил машину у резиденции ректора того колледжа, куда Бенюха пригласили прочитать лекцию.

Ректор жил в огромной квартире. Видимо, чтобы не нарушать общего «военизированного» стиля, его апартаменты вытянулись, как солдаты на плацу. В роскошно обставленной гостиной стояли громоздкие софы, в середине — стол, покрытый пластиком, на нем — фарфоровая пепельница, на полу — ковер с полосками всевозможных цветов и размеров. На голубых стенах висели репродукции абстрактных картин и цветные фотографии европейских пейзажей. Поразительно, в гостиной не было ничего пенджабского, более того, ничего восточного.

— Хэллоу! — воскликнул хозяин неестественно громко и, как нам показалось, с некоторым удивлением.

— Как вы попали сюда? Проездом в Симлу или Амритсар?

Теперь наступила наша очередь удивляться.

— Симла? Амритсар? Вы же, кажется, пригласили меня прочитать лекцию о советской молодежи? — сказал Бенюх.

— Ах, боже мой! Это совершенно вылетело у меня из головы. Столько дел, такой огромный колледж, столько студентов, ни минуты покоя! Может быть, удастся что-нибудь придумать, но я не уверен. Одно за одним: у студентов на носу экзамены, профессора готовят билеты, в лекционном зале какая-то выставка, а если уст-

роить лекцию на улице, чего доброго пойдет дождь, а то и буря начнется, кто знает, сейчас погода так изменчива... Но не волнуйтесь. Давайте лучше выпьем чаю.

Даршан Сингх не отрывал взгляда от красочного американского календаря, висевшего за спиной Бенюха. Там красовался портрет американского президента с каким-то изречением, вероятно, самой горячей цитатой из очередной речи на тему о «холодной войне».

Подали чай, сахар, молоко. Завязался бессодержательный «разговор вежливости». Даршан Сингх сидел в дальнем углу, удивляясь людскому непостоянству. Он и раньше встречался с ректором. Тогда ученый муж источал патоку, приглашал в гости, обещал теплую и сердечную встречу. Даршан Сингх вспомнил, как этот джентльмен месяц назад вошел в кабинет Бенюха в Нью-Дели. В те дни в столице с огромным успехом выступал Башкирский ансамбль народного танца. Ректор хотел пригласить артистов в колледж. Но программа ансамбля и так была перегружена, и, видимо, решив чем-то себя компенсировать, ректор попросил представителя журнала «Советская земля» выступить перед студентами. Были назначены день и час...

Мы не допили чай и, простившись, оставили ректора в вихре сомнений, с его дождями и бурями.

Даршан Сингх хотел повидать приятеля, лектора колледжа. Подойдя к зданию, мы увидели на стене надорванную ветром афишу. Она сообщала, что представитель Информационного агентства США прочитает лекцию о... советской системе образования! Лекция состоялась за несколько дней до нашего приезда. Все стало ясно.

Мы разом превратились в сердитых молодых людей. Но самым сердитым был Гурбакш Сингх. Он бушевал:

— Ну и тип! Ну и лицемер! — восклицал он. — Попадись он мне в пустыне, ни за что не подвез бы! А ты что думаешь, Даршан?

— Из него получился бы хороший «Герой недели» в «Шанкар'з Уикли»*.

Гурбакш Сингх остановил «Победу» у ворот колледжа. Бенюх вышел покурить. Было рано, но студенты уже собирались, они заинтересовались иностранцем,

* Постоянный раздел в индийском сатирическом еженедельнике.

Мушайра

Студенческая забастовка

Тайны пенджабской коммерции. Торговля сахаром

Пенджабские женщины любят посудачить

стоявшим у ворот. Кто-то сообразил, в чем дело, и спросил:

— Это вы должны были сегодня выступить с лекцией? Да?

— Да, я, но мне не придется читать лекцию.

— Почему же? — с удивлением спросил другой студент.

— Потому что ваш ректор предсказал плохую погоду.

Студенты улыбались. Вероятно, они знали, что их шеф увлекается политической метеорологией. Завязался разговор, постепенно перешли к теме несостоявшейся лекции — к проблемам образования в СССР. Слушателей становилось все больше. Бенюха окружило множество красочно одетых юношей и девушек. А минут через двадцать уже всю приезжую тройцу обступила толпа любопытных. Посыпались вопросы. Студенты хотели знать все. Об учебниках и «стилягах». Об Университете Дружбы и стипендиях. О женатых студентах и тех, кто работает и учится. О забытой проблеме совместного обучения и новой практике производственного образования.

Не было трибуны и председателя, не было обычных формальностей. Была простая и теплая встреча, настоящая встреча друзей.

— Итак, — резюмировал Бенюх, когда зазвенел звонок и студенты разошлись по аудиториям, — они действительно интересовались своими советскими сверстниками и тем, как живут, учатся, развлекаются наши ребята. Они хотели это услышать не с чужого голоса. У них веселые, юные лица, которые напомнили нам лучшие годы нашей жизни. Индийцы — это добрые, блестящие глаза, это руки, протянутые для дружеского рукопожатия. А если и мелькнет где злой взгляд, то ведь арифметика не за него: он один против девяноста девяти.

ШКОЛЫ В ПЕНДЖАБЕ

Пенджабец еще не появился на свет, а родители уже решают его судьбу. Если младенцу повезет на родителей с кошельком и он попадет в пятнадцать процентов населения штата, которым суждено получить образование, его учение будет рассчитано с пунктуальностью железнодорожного расписания.

Дожив до пяти лет, пенджабец в сопровождении торжествующего родителя устремится в начальную школу. В течение четырех лет он будет на побегушках у учителей, познакомится с родным и государственным языками, получит представление об арифметических действиях и географии Пятиречья.

Затем, если он не провалится на экзаменах или даже провалится, но его отец сумеет произвести должное впечатление на директора, ему вручат аттестат для поступления в «хай скул», т. е. среднюю школу. В этой школе стоят парты (вместо джутовых ковриков в начальной), а черные доски сияют, как ботинки, которые чистильщик надраил лучшим кремом «Кави». По вечерам — игры, по утрам — молитвы, а между уроками — немислимые манипуляции с туловищем, руками и ногами, носящие невинное название «физкультура».

В «хай скул» ребята более глубоко постигают языки, которые изучали в начальной школе, кроме того, приступают к английскому языку, рисованию, истории Индии и Англии и географии своей родины. О географии Советского Союза школьники получают весьма поверхностное представление в девятом и десятом классах. К сожалению, до сих пор наша страна частенько выступает перед индийскими школьниками в своем дореволюционном обличье. Учебники время от времени перера-

батываются, их подтягивают к сегодняшнему дню. Однако учащиеся иной раз по-прежнему уверены, что в Сибири люди строят дома из снега, олени — основное средство передвижения и лишайник — главный представитель сибирской флоры.

В «хай скул» проходят также географию Азии, начатки физики и химии, санскрит и персидский язык.

Если на протяжении школьного курса ученик покажет хорошие результаты благодаря упорному труду или родительским вспомогательным средствам, ему дадут визу в десятый класс. Теперь его познания будут проверять не местные авторитеты, а университетские. Ему придется вспомнить все, что прошло мимо ушей за эти годы, и постичь искусство зубрежки. Он обязан предугадать вопросы, которые встретятся на экзаменах, и мобилизовать всю свою смелость. В экзаменационном зале у него должны вырасти десятки рук и глаз, как у героев индусской мифологии.

Наконец, одолев последнюю дистанцию, он попробует свои силы в более серьезных делах: в искусстве машинописи или в поисках работы; может быть, он решит помогать отцу или старшему брату в их «деле» или же пойдет в колледж. Поступление в колледж зависит от множества обстоятельств:

а) желания и возможности родителей выдержать финансовое бремя;

б) симпатий и антипатий родителей (некоторые считают, что сын, поступивший в колледж, — это стрела, которая никогда не возвратится; другие если и разрешат наследнику покинуть отчий дом, то с непременным условием: он обязан стать, скажем, судьей, и никем более);

в) симпатий и антипатий самого абитуриента.

Но вот он попадает в колледж и начинает совершенно новую жизнь. У него мало забот (в основном денежные), еще меньше трудов (на лекции он почти не ходит). Для него наступает эпоха мирских, не всегда невинных радостей. Конечно, иногда придется спотыкаться о гранит науки, листать учебники (которые, между прочим, строятся по вопросно-ответной системе) или «конспекты» по английской литературе, экономике, философии, химии, физике, ботанике, биологии. Между прочим, эти конспекты — великая вещь. Сто граммов конспектов заменяют килограммы книг!

Через два года юного энтузиаста снова ждет университетская экзаменационная голгофа. Если «конспекты» содержатся в надлежащем порядке, ему удастся подняться на ступеньку выше. Он получает звание «студента гуманитарных (или точных) наук» и «промежуточный» статут на трудной стезе познания.

Если все движется по предназначениям судьбы и родители не лишают юношу материальной поддержки, он переходит на третий курс, приближаясь к желанной цели — степени бакалавра искусств или наук.

По-прежнему конспекты будут оберегать его от превратностей студенческой жизни. Он может витать в каких угодно облаках и не слышать ни единого слова профессоров, но, будьте уверены, конспекты не подведут. Двухгодичная осада заветной степени бакалавра состоит в основном из повторения уже знакомых вещей и оставит в памяти несколько лишних подробностей. Пережив муки последних университетских экзаменов, студент станет выпускником.

Выпускнику предоставляется на выбор несколько дорог. Он может попробовать убедить родителей в необходимости дальнейшего материального содействия. Тогда ему удастся продолжать совершенствование в науке. Или подыскать работу и, наконец, самому хоть раз послать сотню рупий родителям.

Допустим, финансовая проблема успешно решена. Тогда выпускник должен наметить определенную область своих исследований. Это нетрудно. Опыт предшествовавших бурных лет подскажет, какой предмет приятнее изучать по учебникам, а не по конспектам. Теперь он оставит спорт и прочие утехы — удел новичков. Он, безусловно, не упадет под огнем оставшихся экзаменов, ибо за плечами ветерана десятки выигранных у профессоров сражений. И вот в руках у него диплом магистра. Вероятно, до конца его дней диплом будет украшать рядом с изображениями богов и святых одну из стен дома в назидание потомству.

Диплом приносит единственный доход: можно продать учебники. Конспекты за гроши сбываются в утиль. Нужно искать работу. Теперь молодой специалист раскрывает газету только на странице «объявлений». Здесь он надеется наткнуться на что-нибудь в таком роде:

«Требуется магистр наук, химик, на место учи-

теля средней школы. Заработная плата соответственно правительственной шкале. Краткое заявление адресовать п/я 37121—СН, Трибюн, Амбала».

Или же ему посчастливится увидеть такое, например, объявление:

«Требуется жених, не старше 35 лет, с высшим образованием, хорошего поведения, приятной внешности, желательны деловые склонности. Для девицы из сикхской (либо мусульманской, либо индусской) семьи».

Он тут же отправит груду заявлений и характеристик по различным адресам. Начнется паломничество к возможным работодателям. Его будут спрашивать о чем угодно, только не о том, что его интересует. Он сведет знакомства в очередях на бирже труда, разыщет адреса влиятельных знакомых и родственников и у всех попросит рекомендации. В конце концов ему разрешат осчастливить своим присутствием какую-нибудь контору.

Пенджабские студенты преданны своим колледжам. Им все там мило и дорого, кроме экзаменов. Как бы здорово было ликвидировать эту скверную практику унижительной, школярской проверки! Однако пока еще никто не пытался доставить студентам такое удовольствие. Но сами студенты — боевые ребята. Препятствия им не страшны. Не раз студенческая ярость обрушивалась на экзаменаторов.

Предположим, накануне экзамена студенты решают, что завтрашний день не сулит им ничего хорошего. Тогда один из них, выражая общие сомнения относительно необходимости столь частых проверок знаний, направляется в кабинет ректора и бросает воинственный клич: «Отложить экзамен!» Студенческая масса уже готова к бунту и только ждет сигнала. Сотни глоток повторяют призыв. Занятия кончаются, двери хлопают, стекла бьются, и всюду, в том числе на досках и спинах, появляются написанные мелом лозунги.

Ректор окажет сопротивление. Он рискнет утверждать, что экзамены необходимы, что без них нет образования и он не допустит столь вопиющего нарушения дисциплины. В ответ студенты истощнее закричат, громче захлопают дверьми, лозунги на спинах станут смелее. Соответственно возрастет решимость ректора отстаивать дисциплину. Он даже прибегнет к помощи полиции, которая изолирует самых непокорных. Напряжение до-

стигнет высшей точки. Наконец ректор уступит и согласится с требованием масс. Отчаявшись сломить волю бунтовщиков, он в конечном итоге отменит экзамен.

Но порой возникает иная ситуация. Студенты решают, что они достаточно подготовлены к испытанию. Они входят в аудиторию, получают билет и в мгновение ока понимают, что поддались иллюзии. В билетах какие-то неожиданные, непонятные вопросы, на которые невозможно ответить. И тогда самый смелый (и самый ленивый) крикнет: «Мы это не проходили!» Тут все рвут билеты и с оскорбленным видом покидают зал. Летят телеграммы в соседние колледжи, вице-канцлеру университета, министру образования штата. Начинается очередной цикл волнений, сопротивлений, репрессий и... переэкзаменовок. Спустя несколько месяцев студенты получают более простые вопросы, которые легко предугадать. Даршан Сингх вспомнил, что в свое время ему довелось участвовать в подобной операции. Вопросы на выпускных экзаменах показались студентам слишком «общими», они ожидали вопросов книжных, т. е. тех, ответы на которые содержались в конспектах. Поднялся крик: «Мы это не проходили!» Последовала церемония уничтожения билетов, выход из зала, телеграммы властям. Вскоре была назначена переэкзаменовка.

Иначе обстоит дело со студентами вечерних факультетов. Они старше и опытнее, имеют ворчливых жен и надоедливых детей. Естественно, им не до милых шуток, которыми забавляются холостые шалопаи. На занятиях они послушны и доверчивы. Преподаватели, занимаясь с ними, отдыхают. И ректор счастлив: по части порядка и соблюдения правил студенты-вечерники превзошли его самого.

Существует еще одна категория студентов — посещающих так называемые «учебные цехи», уважаемые заведения вроде Центрального городского колледжа, Республиканского колледжа, Восточного колледжа. Собственно говоря, это арендованные помещения, где утром и вечером профессора диктуют готовые ответы на возможные экзаменационные вопросы. «Студенты» прилежно зубрят ответы, надеясь на память, которая, кстати говоря, их частенько подводит. За шесть месяцев перед экзаменами они запоминают столько, сколько не смогли бы выучить и за два года обычных занятий. Такие не

бастуют: им просто некогда. Они требовательные клиенты и не хотят швырять на ветер ни пайсы. А каждая пропущенная лекция — это потерянные рупии.

Проспекты подобных заведений сообщают, что на каждом экзамене их питомцы обнаруживают успехи. Каждый колледж утверждает, что именно его студенты лучше других подготовлены для университетских экзаменов. И хотя лишь немногие счастливцы ухитряются пролезть сквозь игольное ушко, проспекты неизменно трубят о «стопроцентном успехе».

ВСТРЕЧА С ДРУЗЬЯМИ

Вечером местное отделение Общества индийско-советской дружбы пригласило нас на встречу — не в перво-классный ресторан, а в скромную столовую колледжа. В один ряд были поставлены столы разной формы и разнокалиберные стулья. Подали индийские закуски, сладкие и соленые, и неизбежный чай. Все было очень непринужденно. Никто не пришел людей посмотреть и себя показать. Все говорили то, что думали, и хотели узнать мнение соседей. Собралось человек двадцать: юристы, бизнесмены, студенты, рабочие, старик крестьянин. Все настолько увлеклись беседой, что чай совсем остыл.

На этой встрече выступил секретарь отделения общества.

Нынешнее Общество индийско-советской дружбы — молодая организация, она только вступает в пору зрелости. Не всегда найдешь отделение этой организации в городах Пенджаба, но не это показатель глубины дружеских чувств индийцев к Советскому Союзу. Ведь вряд ли найдется пенджабец, грамотный или неграмотный, горожанин или житель отдаленной деревни, не слышавший о Советском Союзе, о том новом обществе, которое строится в этой стране.

До завоевания Индией независимости, когда национально-освободительное движение охватило всю страну, существовала активная организация содействия индо-советской дружбе. Она называлась «Друзья Советского Союза». В те дни представления о первой социалистической стране у индийцев были весьма ограниченными и искаженными. Тогда почти не развивались контакты между двумя народами. В Индии не было советского по-

сольства, советских культурных и информационных центров. И все-таки «Друзья Советского Союза» работали слаженно. У них были свои многочисленные отделения, программы бесед, лекций, они издавали книги...

Секретарь местного отделения Общества индийско-советской дружбы заканчивал выступление:

— Если четыреста миллионов индийцев и двести миллионов советских людей пойдут вперед рука об руку, помогая друг другу, тогда ничто не разрушит мир на нашей планете!

КУДА ВЛЕЧЕТ ПИЛИГРИМОВ

Мы поспешили в Бхакра. Уборка урожая шла полным ходом. Работающие крестьяне, сверкающие серпы и конусы снопов — вот, пожалуй, главные детали проплывавших мимо пейзажей.

Отсчитав пятьдесят верстовых столбов от Рупара, Гурбакш Сингх въехал в город Нангал. Горный кряж Наина Деви, обрамлявший далекий горизонт, выросал на глазах. Река Сатледж прорезает в нем ущелье. Здесь идет строительство одной из высочайших плотин. Она будет втрое выше знаменитого Кутаб Минара в Дели.

О гидростанции Бхакра-Нангал покойный премьер-министр Индии Джавахарлал Неру сказал: «Это нечто грандиозное!» Энергия плотины поможет зажечь свет в тех индийских домах, где пока еще темно. Орошенные поля помогут накормить население Индии.

Индия — страна священных храмов, вершин, озер и рек. Их посещают, чтобы привести свои грешные мысли в строгое соответствие с канонами небес. Паломник в Индии — лицо высокочтимое, а паломничество — целая отрасль экономики.

Добившись независимости, народ древней страны создал новые «святые места» — строительные объекты, привлекающие нескончаемые потоки пилигримов. Новые «святые места» — источник национальной гордости индийцев. Люди приезжают сюда в поездах, автобусах, идут пешком. Во время каникул здесь особенно много студентов. В Бхакре мы увидели крестьян. Они смотрели, откуда потечет вода к задыхающимся от жажды полям и где родится электричество.

Советский народ, который верит в могущество разума, помогает индийцам строить новые «храмы» с ку-

полами домен и минаретами воздуходувок. В новых «храмах» поют гимны труду, созиданию, дружбе.

Во время работы над этой книгой нам представился случай засвидетельствовать свое почтение одному из новых «храмов» Индии — Бхилаи. Разрешите представить вам некоторых людей, которые работают, а не молятся в этом «храме». Есть там и старые, и молодые, индийцы и советские люди — самоотверженные поклонники стали и свободы.

* * *

Один буржуазный индийский журналист глубоко-мысленно заметил на страницах своей респектабельной газеты: «Русские — замкнутый народ. Они держатся в стороне от индийцев».

— А что вы думаете об этом, мистер Пандей? — спросили мы пожилого начальника прокатного цеха.

— Мое мнение — прямо противоположное, — ответил он. — Я работал с русскими и в Индии и в Советском Союзе. Я работал с немцами и англичанами. Но лучше всего работать с русскими... Шесть месяцев я жил в Советском Союзе. И там, вдали от дома, я нашел дочь. Ее зовут Валентина, она была моей переводчицей. Она спросила меня:

— Мистер Пандей, как вас зовет ваша дочь?

Я ответил.

— Можно я буду вас звать так же?

Вот так в чужой стране я нашел дочь.

— Ну, а все-таки, общительны соотечественники Валентины или нет?

— Представьте себе комнату, свет погашен, светится экран телевизора. Это квартира Валентины. Она пригласила меня пообедать, а потом мы смотрели телевизор. Я сидел рядом с ее родителями. Тут же был муж Валентины. Пришли соседи. Валентина сидела у моих ног и переводила. Настоящая семья. И так далеко от моей родины!

Пандей вынул из кармана письмо.

— Это от моей русской дочери, — сказал он. — Валентина извиняется, что долго не писала, она перешла на новую работу. Плоды манго, которые я послал, все ели с огромным удовольствием. «Мама посадила косточки манго в саду. Интересно, прорастут ли они...»

Мы уверены, что косточки, которые мать Валентины посадила в уголке своего сада, на далекой Украине, прорастут и вытянутся в густые темно-зеленые деревья. И конечно, принесут плоды.

* * *

Один писатель утверждал, что «сталь поет». Конечно, он говорил это в переносном смысле. Вероятно, писатель слышал, как поют сталевары во время работы.

В юности инженер Сальниченко мечтал стать поэтом. Еще до войны он закончил Институт тонкой химической технологии и был там старостой литературного кружка. Он печатался в газете «Шахтер» в г. Шахты на Украине. Но профессиональным литератором Сальниченко не стал. Он стал строителем.

Строителям-верхолазам часто приходится работать очень высоко, в небесах. В Бхилаи Сальниченко встречал и провожал солнце, стоя на гигантских лесах стройки. Знает он и что такое лунный загар. Перед ним расстилается новый город, комплексы мощного комбината, возникшие на месте нищей деревушки. По ночам «лунное серебро» прожигают ослепительные вспышки автотгена — во имя труда и счастья человека. Такие ночи тоже рождают поэтов.

Сальниченко говорит: «Я работал во многих местах, и каждый раз, покидая новорожденный завод, я оставляю там частицу сердца. Когда ребенок берет в руки карандаш, он испытывает радость. Когда взрослый человек создает хорошую вещь, он гордится. Когда я уезжаю на новую стройку, мне всегда грустно. Ведь это дело моих рук, а работать мне здесь не придется. Но что делать? Я понимаю, что так устроена жизнь. Вернее, голова понимает, а сердце — нет».

Сальниченко не профессиональный поэт. Он просто строитель.

* * *

Шив Сингх, высокий, хорошо сложенный, красивый сикх, показал на угольный транспортер и сказал: «Весит 45 тонн, длина — 172 фута. Мы собрали его на земле и потом подняли электролебедками. Кранов не применяли...»

В голосе его звучало удовлетворение.

Он продолжал: «Образование у меня небольшое. Но дай мне любую работу, я сделаю ее. Я разбираюсь в чертежах. Не смотрите, что на мне накрахмаленная рубашка и аккуратно повязанный тюрбан. Это для вас. Я не подрядчик. Видите, какие у меня руки, все в мозолях, иголка не возьмет».

* * *

Что сильнее всего на свете?

...В тот день он проверял, как идут последние работы в куполе третьей домны. И, надо же было такому случиться, поскользнувшись и падая с головокружительной высоты, он ухватился за оголенный стык провода, по которому шел ток промышленного напряжения. Попов тут же потерял сознание. Стоявшие вокруг в ужасе замерли. Тогда рабочий-индеец схватил палку и с такой силой ударил по проводу, что перерубил его. Жизнь советского инженера была спасена.

Так что же сильнее смерти? Конечно, руки друга.

* * *

Мы сидели в гостях у инженера Ахуджа на лужайке среди цветов. Наш хозяин — один из первых инженеров, приехавших сюда. Тогда здесь были только рисовые поля. Строители провели дороги, построили город, железнодорожную станцию. Из Визакапатама прибыло оборудование, началось строительство завода. Было много трудностей, работали днем и ночью. Сроки подхлестывали.

— Почему вы так спешите? — однажды спросил Ахудж советского инженера Гумберидзе.

— Потому, что по контракту с вашим правительством мы должны все закончить в 1959 году.

— Не может быть! Видимо, в контракт вкралась опечатка! Наверное, к 1995!

Но время шло, и мечты воплощались в жизнь...

— Когда я приехал сюда, у меня не было ни одного седого волоса, а теперь!

Но в лице по-прежнему задор молодости.

Он продолжал:

— За третью пятилетку мощности увеличились вдвое по сравнению со второй пятилеткой.

— А может быть, в план опять вкралась опечатка? — с улыбкой спросил его старый друг Гумберидзе.

— Нет, черт возьми, нет!

* * *

Прокатные станы раскинулись на огромной территории. Здесь работают тысячи людей. Нам нужно было найти одного — Гумберидзе. В кабинете он не сидит. Нас направили в арматурный цех.

— Только что он был здесь, посмотрите в цехе заготовок.

Из этого цеха — в другой, в третий. Везде одно и то же: «Гумрич? Он только что был здесь». Наконец мы поймали его. Инженер что-то объяснял рабочим на языке хинди.

— Да, — ответил он, — я Гумберидзе. Да, я один из бхилайских «аборигенов». Да, за работу на комбинате меня наградили орденом Ленина. Здесь, где теперь прокатный цех, мы вынули два с половиной миллиона кубометров земли. Это половина всех земляных работ. Мы уложили около трехсот тысяч тонн бетона, более половины всего бетона, уложенного на этом заводе. Мы собрали около сорока семи тысяч тонн металлоконструкций — сорок процентов...

Вычисления он производил, как арифмометр.

...Однажды советские инженеры ехали в Калькутту. Старались достать билеты в вагон с кондиционированным воздухом, но безуспешно. Тогда один инженер почтительно сказал кассиру: «Разве вы не знаете, с нами едет магараджа Гумрич?» Все уладилось в одну минуту. Так Гумберидзе был назван магараджей.

...Его дочь вышла замуж. Она родила сына. Сын вырос и научился говорить. Его показывали в Тбилиси по телевидению. Мальчик плакал: «Дедушка, поскорей возвращайся домой». А Гумберидзе работал в Бхилаи.

...Во время пребывания премьер-министра Неру в Бхилаи министр сталелитейной промышленности и шахт Индии С. Сваран Сингх представил ему Гумберидзе. Поздоровавшись, инженер сказал: «Пословица гласит: если встретишь друга раз, встретишь его еще раз». И они

встретились через год снова, когда пускали в строй новый цех.

— Мы собрали 45 тысяч тонн механических конструкций, что составляет...

Цифровой каскад продолжался.

Учебный цех Бхилайского технологического института. Работа кипит. Всюду чистота, которой может позавидовать домашняя хозяйка. Скромный и спокойный пенджабец Танедж, помощник преподавателя, держит в поле зрения каждую мелочь. На стенах цеха — лозунги:

«Техническое обучение — основа благосостояния нации».

«Время — деньги».

«Вовремя починишь — сэкономишь пайсу».

«Береги смазочные материалы».

«Работа — святое дело».

Мы спросили Танеджа: «Что вы думаете об этих лозунгах?» Он вынул из кармана записную книжку и сказал: «Правильные лозунги. Но я бы добавил другие. Вот послушайте.

Идеям нужны крылья.

Строй Индию!

Сохраняй спокойствие!

Простота — красота.

Гордись, что ты индиец.

Трудись, как пчела!»

* * *

В День Независимости в Бхилаи состоялся совместный индийско-советский любительский концерт. Сотни инженеров и рабочих, индийцев и советских людей собрались в зале. Хозяева гигантских кранов и домы заставили звучать ситару и табулу, гармонь и балалайку. Протяжные, задумчивые песни Индии сменяли печальные и радостные русские.

Кончился концерт, люди вышли на улицу. Сверкали тысячи звезд. Недалеко пылали огни Бхилаи. Там ни на миг не прекращалась работа. Завод дышал глубоко и мерно.

Смолкла музыка в концертном зале, а Бхилаи продолжал свою песню. И, может быть, Бхилаи — это самая

лучшая песня, рожденная дружбой двух народов, она звучит радостно и мощно и слышна далеко за пределами Индии.

* * *

Фигура у него высокая, костистая. Лицо на первый взгляд невыразительное, изжелта-смуглое. И только глаза черные-черные, большие и яркие. И в сердце огонь. Человек страдал. Он разговаривал сам с собой: «Значит, три года, что я работал здесь, пошли прахом? Каждый день двадцать километров пешком. Сам готовь, стирай, убирай общежитие. Но хоть раз я сказал, что жизнь тяжела? Если бы я работал на себя, не мог бы работать лучше. За что же они меня обидели? Прекрасно знают, что горизонтальную центрифугу собрал я. Восемь тонн деталей валялись вон там, в двухстах ярдах отсюда. Никто не помогал мне. Я их сам перенес и сам же собрал. Жгучее солнце и проливной дождь — все было ничем. А теперь они приходят и говорят: „Шаик Ахмед, иди собирай гидропресс, а твой друг Зака Уллах проверит центрифугу“. Как они посмели? Верно, Зака Уллах мой друг. Мы вместе учились. Мы и живем вместе. Но ни за что на свете я не позволю ему коснуться машины. Первый его шаг разобьет мою гордость. Я ни с кем не хочу делить свое счастье. Разве поэт откажется от своей песни? Я сам проверю машину. А если не разрешат, уйду отсюда навсегда».

* * *

Мясникову довелось работать в Запорожье, Днепропетровске, Днепродзержинске, Кривом Роге, Донецке, Липецке, Нижнем Тагиле, Макеевке, Таганроге. Он строил все бхилайские домны. Третья домна была юбилейной — тридцатой в его жизни.

Мясников — маленький худощавый человек. Полжизни он провел на строительных лесах. Мы спросили его, что он думает об индийских верхолазах. Он улыбнулся и сказал: «Очень храбрые ребята и прекрасные монтажники. Однажды двое верхолазов поспорили между собой, кто заберется по веревке на макушку семидесятиметровой трубы Бхилайской электростанции.

И один поднялся: он карабкался разувшись по древнему рецепту всех мальчишек».

Подошел инженер-индиец, и Мясников начал с ним весьма горячий и столь же непонятный нам технический спор.

А мы вспомнили мудрые слова: «Если ты посадил хотя бы одно дерево, значит, жил не зря». А домны? Как их пересчитать на деревья? Где тот великий бухгалтер, который в колонках цифр выразит признательность миллионов людей создателям мудрых печей?

НОГИ НА СТОЛЕ

Мы побывали и в Руркеле, где специалисты из Федеративной Республики Германии строили металлургический завод. Мы встречались с разными людьми, многое видели. Не собираемся сравнивать Бхилаи с Руркеле. Пусть читатель сам делает выводы.

* * *

Видите полосы на моем теле? Это следы раскаленного железа. Даже издали видно, какие они черные, эти полосы. Я не раб, потому что в Индии нет рабства. И не преступник, если, конечно, не считать преступлением то, что мой брат работал у немецкого механика. Но разве братские узы — преступление?

Да, преступление. Теперь я так думаю. Мои шрамы — свидетельство тому. Мне сказали, что механик потерял сто рупий, а мой брат, его слуга, исчез.

— Говори правду, — сказали мне немцы. — Я сказал им, что я его брат, и это единственная правда, а ничего другого не знаю.

И тогда механик приказал своим: «Выбейте из него правду!»

Сначала они сорвали с меня одежду, затем принесли раскаленные прутья.

Очень больно, когда бьют раскаленными железными прутьями. Но разве они добились иной правды, кроме той, что я им сказал сразу? Нет, они только оставили эти длинные, черные полосы на моем теле. Вы спрашиваете меня: «Кто способен назвать честного человека преступником?» Я отвечаю вам: «Только тот, кто сам настоящий преступник».

Мы стоим у парадного подъезда роскошного современного здания. Стоять можем сколько душе угодно, но внутрь путь заказан: эти двери открываются «только для немцев». Это Немецкий клуб в Руркеле.

Правда, некоторых индийцев туда допускают: тех, кто служит у немецких специалистов. На улицу вырываются пьяные голоса. Западногерманские инженеры поют свою любимую «Руркельскую песню». Она не оригинальна и в основном перепевает «частушки» штурмовиков:

Мы любим женщин, драки и вино.
Тот, кто имеет темную кожу наложницу,
Не долго протянет в тропиках!

После многократного повторения этих истин раздается всплеск воды: бутылки, подносы — все, что попадает под руку, летит в бассейн.

В Бомбее тоже есть свой парадный подъезд «Брич Кэнди» — известный бассейн, который открыт только для белых. Об этом гордо сообщает мраморная плита, вывешенная еще при англичанах.

Мы стоим у парадного подъезда Немецкого клуба в Руркеле. Нас туда не пустят. Да мы и сами не пойдем.

— Почему они прячут его от меня? — спрашивает Басу, индийский инженер. — Это же чертеж, а не ключ от сейфа. Чертеж крана. Правда, чертеж поможет мне лучше разобраться в механизме. Потому-то мне его и не показывают. У них молотка не допросишься. А это довольно сложный кран. И нам придется на нем работать, а не немцам.

Но ключ нам не дают, прячут его. Как собаки на сене.

Ну и чудеса! Из проститутки превратиться в няню-айю. Ловкие ребята эти немцы! Я должна смотреть за детьми. Но я не пою колыбельных. Я ухаживаю за

взрослыми. Я продавала мой товар на улицах Калькутты.

А где же дети? Наверно, остались в Германии. Вместо них — одинокие отцы.

Айя для отцов? Смешно! Впрочем, ничего смешного. В отелях, где живут немцы, работающие на заводе, это обычное дело.

Я не единственная. Немецкие папаши так любвеобильны! У них толстые кошельки, и многие девушки из Калькутты приехали сюда. Но им этого мало. Недавно они изнасиловали девушек-христианок из соседнего монастыря.

Увы, не все так щедры и добры к нам, как немцы. Наши индийцы просто бессердечны. Подумать только, хотят всех девиц отправить назад, в Калькутту. Вокруг отеля протянули колючую проволоку. Но разве остановишь «дранг нах айя»? Любовь немцев не знает границ.

Но и меня колючая проволока не удержит.

Потому что я мать, и мои мальчики в далеком Ассаме должны что-то есть.

Их надо кормить каждый день!

* * *

«Двойное виски!» — крикнул он и грохнул кулаком по столу.

И в который раз бой опрометью кинулся к стойке. Помимо мощного голоса клиент имел лицо цвета вареной свеклы и маленькие блестящие глазки. Подняв бокал, он посмотрел сквозь него на свет и внезапно повернулся в нашу сторону. Мы сидели в углу и пили пиво. Некоторое время он изучал наш столик, потом уперся взглядом в Бенюха.

— Европейец? Сидит рядом с индийцем? И ничего?

— Я из Советского Союза.

Он залпом опрокинул виски.

— Я был в вашей стране. У Сталинграда. Командовал танком. С тех пор ношу вот эти «украшения», — он указал на ожоги на руках и лице. — Я в долгу за них перед русскими.

— Не советую приезжать к нам за таким долгом.

— Посмотрим, — пробормотал он, — мы еще посмотрим! А что вы делаете в Руркеле?

— А разве я в Федеративной Республике Германии?
— К сожалению, нет. Иначе бы вы не посмели открыто демонстрировать свою дружбу с индийцем. И все же мы в Руркеле у нас свои, немецкие законы. А вы занимаетесь пропагандой!

— Бхилаи — тоже пропаганда?

— Бхилаи?! Все, что вы делаете, — красная пропаганда. Ваша сталь — пропаганда! Ваши планы — пропаганда! То, что вы живете на свете, — тоже пропаганда!

Он выругался по-немецки, и по ресторану снова прокатилось:

— Бой, двойное виски!

* * *

Вот что пишет журнал «Шпигель»...

...металл стынет в чугунных ковшах. Но никому до этого нет дела. Скоро ковши выйдут из строя. Во всяком случае с шестнадцатью из двадцати это уже случилось...

...конвертер № 1, пущенный в эксплуатацию в декабре 1959 г., пришлось списать уже 11 января 1960 г. — всего лишь после 53 плавков...

...стальные чушки отправляют из Руркеле в Западную Германию. Там их прокатывают, и обработанную продукцию возвращают в Индию...

...производственные мощности Руркеле используются на 50 процентов...

...на складах заморожено 35 тысяч тонн стальных болванок. Они не могут быть использованы на месте, так как не построены соответствующие цеха. Их не продают, потому что отдела сбыта не существует...

...организации труда нет и в помине...

Первые домны в Бхилаи и Руркеле начали давать чугун одновременно. Они стали символом соревнования между Востоком и Западом. Но западногерманская печь работала вхолостую. Оказалось, что комплекс строительства не завершен. Сооружение фундамента для сталеплавильных печей затянулось на несколько месяцев в отличие от Бхилаи, где домны и сталеплавильные печи были смонтированы одновременно.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ПЕНДЖАБЦЫ

Вечером мы возвращались в Чандигарх. Заходящее солнце окрасило багрянцем западный край небосвода и ушло за горизонт. Деревья стояли молчаливые, как на молитве. Пастух гнал в деревню стадо буйволов. Обстановка благоприятствовала поэзии и музыке. Только мчавшийся автомобиль нарушал гармонию и тишину. Мы попросили Гурбакш Сингха остановиться. Выйдя из машины, мы окунулись в молчаливый, зачарованный мир.

Мимо нас чинно прошествовали буйволы, с удивлением поглядывая на облаченные в железо сорок пять лошадиных сил. Пастух приставил руку к уху и запел:

На том месте, где Лакшми воду пролила,
Выросли душистые деревья Чандан.

Нам казалось, что мы слышим неторопливый голос самой природы:

Она скончалась на ложе любви,
Душа ее вознеслась в рай...

Песни рождались одна за другой. Вскоре фигура пастуха растворилась в сумерках, но песня еще долго долетала до нас.

В пенджабских народных песнях слышится шепот «волнующихся нив», проступают далекие контуры деревьев, пересекают голубое небо птицы, рассказывают о себе дикие и домашние животные. Но людей в них мало. Это царство отнюдь не перенаселено. Все песни насчитывают лишь с полдюжины главных действующих лиц. Остальным отводятся второстепенные роли.

Самой популярной фигурой пенджабского народного эпоса (а он создавался в основном женщинами) является брат героини. Он способен даже вызвать вспышку ревности у возлюбленного. Как правило, это храбрый богатырь на коне. Все помыслы его о сестре, которая всегда несчастна. Когда свекровь донимает ее, она просит ворона или ветер донести мольбу до брата. Чаще всего в пенджабских песнях роль почтальона поручается ворону. Вы убедитесь, что у этой зловредной птицы золотое сердце. А ее карканье звучит сладкой музыкой, как соловьиная трель.

Сестра тоскует о брате:

О боги, пошлите мне брата,
Я так хочу выплакаться на его груди...
Брат мой, дом мой пуст без тебя,
Как небо без луны.

Больше всего достается свекрови. На нее расходуются только черные краски, и выглядит она ведьмой из сказки. Она отсылает сына в дальние края и с удовольствием портит жизнь невестке. Она заставляет ее работать от зари до зари, держит впроголодь.

Благосклоннее относится народное творчество к главе семьи. У него добрая душа, он готов на все, чтобы найти подходящего жениха для дочери. Но подходящие женихи попадаются редко. Да и дочь — девушка с характером, и претензий у нее не меньше, чем у дочери падишаха. Не удивительно, что отец часто терпит неудачу, стремясь устроить судьбу дочери.

Вдруг ей покажется, что жених чересчур мал:

Отец, что за мужа ты нашел мне?
Издали он напоминает шар.

Или чересчур высок:

Отец, что за мужа ты нашел мне?
Это не мужчина, а лестница.

Или чересчур смугл:

Отец, что за мужа ты нашел мне?
Он надвигается на меня, как туча...

При этом невеста не без гордости добавляет:

Я лебедь, а он ворона!

Отец трудится не покладая рук. Он переезжает из города в город, как коробейник. Он, как ювелир, взвешивает и оценивает достоинства каждого жениха. И, как полицейский, проверяет кандидатуры. Но он сам не уверен в правильности выбора. Поэтому он просит дочь:

Выйди, дочка, сделай выбор,
Я привез тебе жениха...

Однако людям свойственно ошибаться. Жених, оказывается, мал ростом: по плечо невесте, у него такой вид, словно он неделю крошки хлеба во рту не имел. Подружки разочарованно констатируют:

А парень-то словно сухой сучок,
И ему такой цветок достанется!

Послушав серию пенджабских народных песен, начинаешь думать, что страшнее мужа зверя нет. Бедняжка жена получает спутника жизни, который либо не вышел из школьного возраста, либо, наоборот, впал в детство.

Он часто уезжает на чужбину в поисках заработка. Жена, если она его любит, посещает гадалку, чтобы узнать, когда же вернется кормилец. В письмах к нему она так описывает свои чувства:

Кусок моего сердца — эта бумага.
Я палец свой отточила словно перо.
Зрачки моих глаз превратились в чернила,
Они смешались с потоками слез.

Странствовавшие мужья часто поступали на работу к англичанам и уезжали далеко-далеко от дома. В пенджабских народных песнях англичанам достается на орехи. Девушка поет:

Пусть сгинут английские казармы:
Из вдовы я превращусь тогда в невесту...

Живет ли пенджабец под жгучим солнцем или в многолюдном задымленном городе, красуется ли на его голове высокий, из пяти ярдов материи тюрбан или ма-

ленькая плоская шапочка, одет ли он в тесный европейский костюм или в просторный национальный хамиз, он так или иначе остается крестьянином. Присмотритесь к нему повнимательнее, и вы увидите пахаря.

Пенджабец привык к тяжелой работе, и он от всей души занимается делом, которое досталось ему в жизни. Оставаясь крестьянином, пенджабец дорожит дружбой как зеницей ока. Но он знает, как ответить врагу.

Пенджабец любит природу, землю, деревья, небо, звезды. Следующие строки пенджабской народной песни передают суть жизненной философии пенджабца:

Если хочешь, сделай немного шагов,
Но идти ты должен с благородством!
Если хочешь, проживи немного дней,
Но прожить их ты должен с достоинством!

Пенджабец следует этому девизу, может быть, несколько пунктуальней, чем нужно. Он не жалеет ни сил, ни денег, чтобы походка была благородной, а осанка — горделивой. Но павлин и лебедь не его идеал. Мчащийся олень или горячий конь — вот кто ему по душе. Моральный кодекс пенджабца мы попытались свести к двум формулам. Читатель поймет, конечно, что они весьма условны, как всякие ярлыки.

Упорный труд; сообразительность; предприимчивость; ловкость.

Пенджабец настолько трудолюбив, предприимчив и жизнеспособен, что заставит родить самую бедную землю. Он найдет путь к сердцу враждебных покупателей и конкурентов, ни за что не останется голодным и никогда не протянет руку за подаванием. Он будет осваивать джунгли в Тараи, торговать в Бомбее, Калькутте, Лакхнау, работать в мастерских, на фабриках и заводах Восточной Индии, уедет на острова Фиджи, но не выйдет с нищенской сумой, преследуя мягкосердечных прохожих.

После 1947 г. пенджабцы показали, из какого материала они сделаны. Они развили большую активность. Лучшей витриной пенджабских успехов является современный Дели, в котором живет больше всего пенджабцев (если не считать самого Пенджаба). Известно, что пенджабец — хороший крестьянин, солдат, ремесленник. Однако утверждение о высоких деловых качествах пен-

джабца раньше могло показаться голословным. Но не теперь. За последнее десятилетие пенджабцы внесли в мир бизнеса крестьянскую отвагу и деловую проницательность.

Давайте познакомимся с бизнесменом-пенджабцем.

Кое-как одетый пенджабец, толкая перед собой тачку с мешками сахара, появляется перед магазином богатого купца. Последний бросает на него взгляд, исполненный презрения: «Муравей пришел к слону». Однако все покупатели идут к пенджабцу. Он без устали взвешивает товар, а богач, изнывая от безделья, лениво бьет мух хлопнушкой. Представьте, как он был бы заинтригован, узнав, что пенджабец устанавливает цены ниже оптовых, а чаще всего, равные себестоимости.

— Почему ты продаешь сахар за свою цену? — спросили его. — Ты что, торговлей занимаешься или благотворительностью?

— И то и другое, — ответил пенджабец и тут же раскрыл торговый секрет. — Видите ли, сахара по своей цене я продаю двадцать мешков в день. Правда, я ничего не зарабатываю, но зато получаю 20 пустых мешков. Я их продаю и получаю 20 рупий. А мне этого достаточно.

Патриотизм; ненависть к рабству и угнетению; отвращение к суеверию; нетерпимость к несправедливости; борьба со злом.

Пенджабец может родиться мусульманином, индусом или сикхом, но он прежде всего патриот. С присущей ему энергией он участвовал во всех революционных движениях, которые происходили в Индии в первой половине нашего века. Он всегда был в первых рядах, но... только в мундире простого солдата. Пенджабцы с крестьянским равнодушием относятся к офицерским и генеральским галунам. Они довольствуются славой хороших солдат.

С отвращением относясь к предрассудкам и признавая современные веяния, пенджабец всегда знает, где остановиться. Он поклонник умеренности. Пенджабские женщины могут учиться и работать, а могут и сидеть дома. Они становятся учителями, врачами, юристами, занимаются общественной деятельностью. Пенджабец не настолько закоснел в дедовских предрассудках, чтобы чинить препятствия своей жене.

Пенджабцу чуждо равнодушие. Его ненависть к не-

справедливости стала легендой, причем свои чувства он выражает активно на словах и на деле. По горячности и «красноречию» возмущенный пенджабец не знает себе равных во всей Индии. Но подлинными демосфенами среди пенджабцев, безусловно, являются блюстители порядка. Целый каскад увещеваний они способны произнести, не переводя дыхания.

Пенджабские женщины не уступают в темпераменте своим мужьям и братьям. Даршан Сингх наблюдал как-то ссору двух женщин в пенджабской деревне. В разгар перепалки одна из дуэлянок оборвала фразу и указала на заходящее солнце. Другая тут же прикусила язык и, подняв с земли камень, положила его в глиняный кувшин. Женщины разошлись. Странная пантомима означала, что на ночь объявлено перемирие. Утром же камень будет извлечен из кувшина и военные действия возобновятся.

Диалог ссорившихся женщин как-то записали на пластинку. Она и по сей день пользуется популярностью у сельских слушателей. Лет десять назад существовал целый набор пластинок, настоящая энциклопедия всяких забавных случаев. Но в наши дни граммофон устарел, его заменили «поющей коробкой» — радио. Почти в каждой пенджабской деревне есть несколько приемников. Радиостанция ежедневно передает специальные программы для сельских слушателей. В них включаются последние известия, передачи о передовой сельскохозяйственной практике, бюллетени рыночных цен, а также народные песни и песни из популярных кинофильмов, стихи и пародии.

Гораздо больше радиоприемников в городах. Но и там их в общем недостаточно. Однако счастливые владельцы совсем не эгоисты. Они запускают свои аппараты на полную мощность, яростно рекламируя модные мелодии из последних кинолент...

Когда пенджабец попадает в Дели, ему нелегко найти подходящее жилье. Прежде всего ему нужна квартира с садиком или терраской, где можно спать ночью. Бедняга так влюблен в звезды, что летом не в состоянии спать под крышей.

В самом деле, попробуйте уснуть в духоте, когда температура ночью немногим отличается от дневной и все вокруг пышет зноем. Но домовладельцы любят не звез-

ды, а рупии. Чем больше комнат, тем больше прибыли, а до романтиков им дела нет. Можно не добавлять, что комнаты зачастую напоминают спичечные коробки.

Что же остается делать несчастному жильцу? Он решается на крайние меры: выносит койку в переулок или на улицу и храпит всласть под своими звездами. Ночью на улице вы увидите ряды спящих мужчин, женщин и детей, как будто все улицы города превратились в одну огромную спальню. Сон после трудового дня крепок: поднимите койку и перенесите ее вместе со спящим на другую улицу, он не запротестует, не проснется, даже не шелохнется.

Еще труднее найти квартиру женатому пенджабцу. Пенджабские отцы совсем не против того, чтобы их дочери выходили замуж. Молодую дочь в здешних семьях принято считать «чужой собственностью», отрезанным ломтем. Она, как цветущее деревце, которому суждено расстаться с родным садом. Отец всегда стремится сам найти дочери подходящую партию. И он не позволит ей «свое суждение иметь» в таком серьезном вопросе. Если молодые живут в деревне, они увидятся лишь после свадьбы. Нравятся они друг другу или нет — это их личное дело, но жить они обречены вместе. В городах, правда, многочисленные родственники заблаговременно собираются в доме невесты, где высокие договаривающиеся стороны заверяют друг друга, что, коль скоро они попадут под одну крышу, им придется найти общий язык. Это мероприятие, которое носит название помолвки, мало чем помогает делу взаимопонимания. Все решает женитьба.

Правда, в последнее время и в Пенджабе попадают отцы, которые допускают дочернюю автономию и право на самостоятельный выбор. Воспользовавшись свободой, дочери быстро находят женихов. Однако подобные отступления от «добрых традиций» пока редки.

Деньги на свадьбу сплошь и рядом копят годами и десятилетиями. Многие семьи попадают из-за этого в самую тяжелую кабалу к ростовщикам.

Когда современные молодые люди, живущие в городе, решаются на столь серьезный шаг, как женитьба, они стремятся предать его возможно большей гласности. Они осаждают фотографов и посылают фотографии в газеты и журналы. Некоторые журналы, в том числе

и многотиражный «Иллюстрированный индийский еженедельник», отводят специальную полосу для таких фотографий. Когда новобрачные не в состоянии ответить на все поздравления, телеграммы и письма, они снова обращаются за помощью к газете, которая за соответствующую плату помещает несколько благодарственных строчек.

Как-то в делийской газете появилась заметка следующего содержания, призванная должным образом выразить обуревавшие автора чувства благодарности и смирения: «Б. П. Сингх, заместитель управляющего в городе Ратлам, благодарит сардарани и сардара Сундар Сингха за счастье жениться на их бесценной дочери Даршан. Он благодарит также всех друзей и родственников за дружеские приветствия».

Пенджабец не чужд моде. Увидев, как одевается и наводит красоту пенджабская женщина, вы немедленно заключите, что все заработки мужей и отцов уходят на туалеты и косметику. И в самом деле, одежда и косметика производят изрядное опустошение в кошельке пенджабца. Всезнающая статистика говорит, что по крайней мере сорок процентов всех косметических средств, производимых в Индии, потребляется пенджабцами. С такой же симпатией они относятся и к украшениям.

Пенджабец не сторонник умерщвления плоти и любит хорошо поесть. Важнейшую роль в своем рационе он отводит чистому «гхи» (растопите масло, и вы получите этот чудодейственный эликсир). Его девиз: «Сотня дядей не заменит одного отца, сотня лекарств не заменит „гхи“». В этом молочном продукте он видит панацею от всех болезней. Пройдитесь по пенджабскому городу, вы заметите объявления, которые уверяют посетителей ресторанов: «Все блюда на чистом „гхи“». Даже растительное масло называют «растительным гхи». Но пенджабец ненавидит растительное масло. Сельские жители находятся в лучшем положении, ибо они получают «гхи» из первоисточника. В деревнях и городках многие держат буйволиц, и, естественно, изготовление «гхи» здесь не проблема. В городах во многих магазинах предлагают «гарантированное» чистое «гхи». И все-таки пенджабцы опасаются, что к нему приложила руку химия, а это их не устраивает. Кроме того, по мнению покупателей, основу магазинного «гхи» составляет расти-

тельное масло сомнительного качества. Одним словом, если пенджабец вдруг заболел, виновато «гхи» из магазина.

Пенджабец не мыслит жизни без кино, ресторанов, клубов и прочих развлечений. В подобных местах яблоку упасть негде. Пенджабец-горожанин включает в программу отдыха кино и ресторан. Он предпочитает сентиментальные фильмы, и индийские кинопромышленники идут ему навстречу. Для него все фильмы хороши, лишь бы было побольше песен и танцев и счастливый конец, чтобы герой и героиня соединились навсегда, а негодяя постигла кара, чтобы блудный сын вернулся в дом, а родители прослезились и раскошелились.

Крестьянин посещает ближний городок. Как и его городской соотечественник, он забывает на этот вечер о семье и о хозяйстве. Зато вспомнит про бутылочку и только ночью вернется домой.

Заканчивая эту весьма поверхностную характеристику пенджабцев, мы бы хотели напомнить читателям о том, что первая в Индии книга — «Ригведа» была написана в Стране пяти рек, и о том, что пенджабцы занимают одно из первых мест в литературе и искусстве Индии (Кришан Чандар, Раджендра Сингх Беди, Мулк Радж Ананд, Яшпал и Упендранатх Ашк родом из Пенджаба). И о том, что столь любимый советскими кинозрителями Радж Капур тоже пенджабец.

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА

Нашей последней остановкой был город Патиала, некогда надменная и пышная столица преуспевавшего княжества того же названия. Большой город, правитель которого пользовался наибольшей благосклонностью англичан, лишился ныне былого великолепия, однако отблески прежней славы нет-нет да и промелькнут в Патиале, которую меланхолические обитатели, умиленно вздыхающие по старине, величают не иначе, как культурной столицей Пенджаба.

Если граждане Патиалы скажут, что их город красивее и благоустроеннее других городов Пенджаба, жители этих последних, наверно, согласятся без долгих дискуссий. Правители прежних княжеств полагали, что, несмотря на скромные размеры владений, у них должно быть все так, как у настоящих глав государств: обширный административный аппарат и столичный блеск. Они без конца меняли правительства, назначали внушительных министров иностранных дел, хотя никакими иностранными делами им заниматься не приходилось. Это делали за них англичане. Поглощенные одной мыслью — удержаться на троне и перещеголять друг друга в расточительстве, владетельные вельможи оставили много пышных построек, которые впоследствии нашли более достойное применение. Например, огромный Жемчужный дворец («Моти махал») в Патиале предполагается передать Пенджабскому университету.

Перед уходом англичан из Индии страна насчитывала почти 600 княжеств с махараджами и навабами во главе. Их размеры колебались от 1,5 до 128 тысяч квадратных километров. После изгнания англичан начался процесс ликвидации княжеств. При этом происходило нема-

ло курьезов. Некоторые князья, твердо уверовав в свои суверенные права, отказывались расстаться с данными богом или установленными британской короной привилегиями. Князей уговаривали, им угрожали, обещали различные льготы и посты и в конце концов заставили отречься от владений. Князья, их жены, законные и незаконные, их сыновья и дочери, законнорожденные и незаконнорожденные, получили значительную компенсацию и право на солидную часть бывших владений, а также на банковские вклады в Индии и за границей.

Но это не очень веселое прошлое. Обратимся к настоящему Патиалы.

* * *

Радужные хозяева захотели показать нам больницу Раджендры, где работают самые опытные специалисты и собрано самое лучшее оборудование в Пенджабе. Как и в прочих больницах, находящихся в ведении правительственных и гражданских властей, в Раджендре есть стационар и отделения поликлинические. Пациенты вначале попадают к врачу-терапевту, которому поверяют историю своих недугов, получают рецепты и, запасшись терпением, становятся в конце концов обладателями микстур и порошков.

Достоинство подобных больниц — бесплатное лечение (хотя потом приходится покупать в аптеках дорогие лекарства). Естественно, что в больнице всегда тесно. Там вынуждены лечиться все те, чьи надежды на богатство сбудутся в лучшем мире, а в этом они слишком бедны, чтобы платить частным врачам.

Разумеется, в Пенджабе существуют крупные частные больницы. Там работают прекрасные врачи, там современное оборудование, как во многих европейских странах. Все предельно вежливы, ибо вежливость входит в преёскурант. Некоторые специалисты «прикреплены» к бесплатным больницам: в определенный день и час они принимают там нескольких пациентов. Они ничего не получают за это, но считают подобную благотворительность хорошей рекламой. Их известность растет. К тому же их манера обращения с искателями бесплатной медицинской помощи оставляет у последних уверенность, что и врачам нелегко свести концы с концами, а посему пациентам не мешает заглянуть в частную лечебницу.

В государственных больницах врачам тоже разрешено заниматься частной практикой. И некоторые через ассистентов намекают больным, что всех принять трудно, а потому милости просим на частный прием.

Как правило, профессия врача в Индии — привилегия мужчин. (Вообще-то с профессиями в Индии некоторая «путаница». Например, машинистки, уборщицы, прачки — в подавляющем большинстве мужчины.) Женщин-врачей очень мало, и они лечат только детей и женщин.

Хотя Индия по-прежнему остается страной сельской, частные врачи практикуют в городах, и между ними идет жесточайшая конкуренция.

Частные врачи разделяются на два лагеря: тех, кто предпочитает прямое налоговое обложение пациентов, и тех, кто применяет косвенное. Первые получают гонорар только за советы. Они не продают лекарств. К эскулапам, составляющим второй лагерь, гонорар приходит в виде микстур и порошков, которые они продают пациенту. Таким способом они умудряются освободить пациента от обременяющих его финансов гораздо быстрее. Они разбавляют микстуры водой, прописывают уйму различных лекарств и тем самым увеличивают стоимость лечения. Увы, есть врачи и третьей категории: они собирают прямой и косвенный урожай.

Врач-частник особенно любит предписывать пациентам всевозможные инъекции. И не потому, что печется о пациенте. Просто каждый укол приносит ему ощутимый дополнительный гонорар. По той же причине он охотно ездит к больным на дом.

Врач-частник пишет рецепты таким почерком, что английские буквы скорее напоминают неведомые иероглифы, обнаруженные во время археологических раскопок. Такая небрежность вполне объяснима. Он не желает, чтобы больной догадывался о компонентах чудодейственных эликсиров, ибо, узнав нужную формулу, пациент накупит лекарств в аптеке и не станет больше тратиться на вызовы. Есть и такие подозрительные, что передают рецепт лаборанту, лишая своих пациентов возможности даже взглянуть на него.

В Дели существует порядок, обеспечивающий низкооплачиваемым правительственным служащим квалифицированное медицинское обслуживание. Это так назы-

ваемая медицинская помощь по взносам. Из зарплаты служащего удерживается один процент. Это дает ему и его семье право пользоваться услугами опытных специалистов, больницами и бесплатными медикаментами.

Симпатии «рядового больного» не всегда принадлежат аллопатии. Многие считают, что аллопатические лекарства «прожигают» внутренности, но не дают полного излечения. Они предпочитают обращаться к «ваидам», лечащим по народной индийской системе «Айюрведа», и «хакимам» — сторонникам «унанской» системы врачевания, приготовляющим лекарства из трав. Эти «исцелители» милосерднее в смысле гонорара. Плохо то, что о физиологии у них весьма древние и в общем столь же смутные представления, как и у самого больного. Свою профессию они обычно передают по наследству.

Итак, картина довольно грустная. Лучше не болеть, ибо 82 500 зарегистрированных врачей и 82 000 «ваидов», «хакимов» и прочих эскулапов — это ничтожно мало для огромной страны. И все-таки государственные лечебные учреждения добиваются определенного прогресса. За последние шестнадцать лет смертность от тропической лихорадки, малярии, чумы, холеры и дизентерии значительно уменьшилась. Успехи профилактики очевидны, хотя бы потому, что во время ярмарки — «Кумб мела», куда стекаются десятки тысяч пилигримов, не было зарегистрировано ни одного заболевания со смертным исходом. Однако болезни по-прежнему остаются для Индии суровым испытанием в национальном масштабе.

Врач в Индии вообще лицо очень уважаемое. Двери любого дома открыты для него. Он сделает все, чтобы поставить вас на ноги с помощью последних достижений медицины. Кроме гонораров он ждет от страждущего человечества единственной любезности: не болеть по воскресеньям и праздничным дням, когда его приемный кабинет, все аптеки и больницы закрыты.

* * *

От больницы до стадиона в Патиале рукой подать. Это отличный стадион, вполне современный. Однажды здесь была проведена Всеиндийская олимпиада. Но мы никаких соревнований не увидели. Нам хотелось посмотреть травяной хоккей, в котором преуспели ленджабцы.

Однако пришлось удовольствоваться осмотром трибун без единого зрителя и беговых дорожек без единого спортсмена. Нам явно не везло, и все потому, как объяснил Гурбакш Сингх, что черная кошка перебежала нам путь. В Индии это такая же дурная примета, как и во всех других местах земного шара, где обитает это домашнее животное.

Климат Индии благоприятствует постоянным занятиям спортом. В основном преобладают виды спорта западного происхождения: травяной хоккеей, футбол, крикет, гольф, поло, теннис. Индийские народные игры, гораздо менее популярные, представлены борьбой, «кабади», «гуллиданда».

Пенджабцы — хорошие спортсмены. Особенно они преуспели в травяном хоккее, волейболе и легкой атлетике. Хотя хоккеей сюда привезли англичане, индийцы разработали собственный стиль и технику и не раз забирали международные призы. В 1928 г. команда, состоявшая из пенджабцев, победила на Олимпийских играх. Она беспрерывно удерживала звание олимпийского чемпиона до 1960 г., когда на первое место вышла пакистанская команда, тоже в основном укомплектованная западными пенджабцами.

Футбольные традиции в Индии восходят к 1830 г., когда состоялся первый матч между двумя английскими армейскими командами в Бомбее. Футбол очень популярен во всех штатах. Основные футбольные центры — Калькутта, Бомбей, Хайдарабад и Мадрас.

Индийские футболисты любят играть босиком. Но эта манера хороша, когда и противник босоногий. Поэтому в международных матчах индийцы выступают в бутсах.

Болельщики футбола — народ буйный. Во время большого матча не обходится без кулачного боя, и полиция не сидит без работы.

Очень распространен и волейбол. Ведущие индийские игроки — воспитанники советской школы, их готовил советский тренер.

Но самая популярная в Индии игра — крикет. Зрители на этих соревнованиях впадают в подлинный экстаз. Они идут на все: покупают билеты за любую сумму, готовы расторгнуть свидание, и любовное и даже деловое, а это уже кое-что. Тысячи болельщиков просижи-

вают на стадионе, наблюдая в общем-то вялую игру, бесконечные удары по мячу и зачастую ленивые передвижения игроков. Так продолжается пять дней с перерывами на ленч и чай. Все это напоминает массовый пикник. Среди зрителей не только сбежавшие из школы подростки и обеспеченные бездельники и бездельницы преклонного возраста. Сюда регулярно приходят экспринцы, министры с портфелями и без. Крикетный вирус не щадит и биржевиков. Даже они бросают акции и телефонные разговоры, чтобы посмотреть на любимого игрока.

Но некоторым болельщикам, несмотря на все их старания, не удастся попасть на игру. Те, у кого есть свой приемник, могут, сидя дома, следить за перипетиями матча (телевизионных центров в Индии пока еще немного). Те, у кого приемника нет, отправляются в ближайшую табачную лавку или магазин, где на черных досках энтузиасты ведут мелом счет. Там на полную громкость включено радио, сообщающее последние новости. Лучшие комментаторы не пропускают ни одного движения игроков. По мнению некоторых болельщиков, слушать радиопередачу интереснее, чем присутствовать на стадионе, ибо квалифицированный комментарий в соединении с фантазией болельщика усиливает впечатление и, главное, не стоит ни аны.

Некоторые объединяют оба удовольствия: берут с собой на стадион портативные транзисторные приемники и тут же проверяют, насколько богата фантазия у комментатора. Сезон крикета в Индии продолжается с сентября по март.

Мы не хотим обидеть приверженцев этой игры, но, честное слово, она показалась нам чересчур медленной, почти скучной. Это не хоккей, где все решают секунды. Правда, болельщик крикета возразит, что в его любимой игре каждая секунда критическая. Не то что в футболе или хоккее, где критические моменты отделены друг от друга и временем и пространством. Но, скажем мы, что интересного в игре, если почти все встречи кончаются вничью? Крикетный матч длится почти неделю, но и такого срока не всегда бывает достаточно. Например, после четырех ничьих в матче между Индией и Пакистаном руководитель пакистанской команды, джентльмен атлетического сложения, предложил обессилевшему

коллеге из индийской команды провести раунд бокса, чтобы определить победителя в пятой и последней встрече.

Хорошо еще, что установлены всего лишь пять дней соревнований. Представьте себе, что было бы, если бы команды решили сражаться до победы? Им, наверно, не хватило бы и двух недель! Сколько студентов провалились на экзаменах из-за этих соревнований! Отметим еще, что крикетистам не следует опасаться упреков в излишней скромности. Они ведут себя на поле весьма вольно. Прерывают игру, чтобы выпить чего-нибудь освежающего. Снимают джемперы и вешают их на плечи усталого судьи. Через минуту им становится холодно, игра снова останавливается, чемпионы надевают джемперы.

В легкой атлетике индийцы переворота не совершили. За три десятилетия они не завоевали ни одной медали на Олимпийских играх. Однажды трофеем был, казалось, у них в руках. Милкха Сингх на Олимпийских играх в Риме чуть было не получил бронзовую медаль в беге на 200 метров. Неудача сокрушила «летающего сикха» — легкоатлетическую надежду Индии, и он заявил о своей решимости прекратить безнадежную погоню за медалями: «Не стоит надеяться и огорчаться. С меня хватит». Его уговорили вернуться в спорт. На Азиатских играх в Токио Милкха Сингх получил золотую медаль в беге на 200 и 400 метров.

Говорят, что индийские спортсмены — последователи йогов. Но даже искусство йогов неспособно вызвать дождь из олимпийских медалей. Система йогов — это система здоровой гигиены. Это упражнения, которые снимают напряженность мышц, делают позвоночник гибким, стимулируют деятельность различных желез и вообще придают организму запас бодрости.

Рассказывают такой случай. Однажды известного йога пригласили к министру и сообщили, что он назначен ответственным за подготовку батальона десантников. Доверие, с которым отнеслись к его системе, напугало йога. «А с какой высоты надо прыгать?» — спросил он осторожно. «С двух тысяч метров», — бодро ответил государственный деятель. Йог помрачнел (ведь он, бедняга, не знал, не ведал, что есть такая штука, как парашют) и тут же предложил: «Давайте все-таки попробуем для начала с тысячи метров...».

Этим «спортивным обзором» мы и завершаем наши беглые зарисовки пенджабской жизни. Хотелось увидеть еще многое, но наши штатные обязанности властно призывали нас к письменным столам в Дели. Гурбакш Сингх развернул машину, и лента дороги понеслась в обратном направлении. По пути мы обсуждали контуры этой книги и предавались радужным мечтам о будущей совместной поездке на Украину.

СОДЕРЖАНИЕ

Об этой книге. <i>Ходжа Ахмад Аббас</i>	3
Украинско-Пенджабский договор	7
Делийский пролог	9
Амритсар — «Озеро нектара»	14
Об индийских дорогах ночью. И о других вещах	26
«Русская» деревня	30
Газетная карусель	38
Немного о музыке	50
Памятник героям	52
Чандигарх — столица Пенджаба	56
Сады Панджор	63
Поем стихи!	66
Лекция в Амбале	70
Школы в Пенджабе	74
Встреча с друзьями	80
Куда влечет пилигримов	82
Ноги на столе	90
Обыкновенные пенджабцы	94
Последняя остановка	103

Цена 30 коп.

